

АНО "ГРУППА
ЦЕНТР"

**ИЗ ВЕКА
В ВЕК**
ЛИТЕРАТУРНОЕ
СОДРУЖЕСТВО

 ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Международное агентство гуманитарных инициатив

«ИЗ ВЕКА В ВЕК»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Гловюк

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Радомир Андрич (Сербия)

Будимир Дубак (Черногория)

Юрий Калницкий (Словакия)

Алесь Кожедуб (Беларусь)

Александр Навроцкий (Польша)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Герасимов

Елена Иванова-Верховская

Елена Исаева

Виктор Широков

© МАГИ «Из века в век»

Россия, Москва, 2020

РОССИЯ. ПОЮЩИЕ ПИСЬМЕНА-2020

Беларусь · Болгария · ьидрлшор · Босния и Герцеговина · Македония · Польша · Россия · Сербия · Словакия · Словения · Украина · Хорватия · Черногория · Чехия

МОСКВА-2020
П О Ю Щ И Е
П И С Ь М Е Н А
XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ
Ф Е С Т И В А Л Ь
СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Дорогие участники и гости XII Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» 2020! Не первый раз собираемся мы с вами на наш замечательный праздник, но первый раз в такой форме и в таких необычных условиях. Маленький, но злобредный вирус, поразивший уже несколько десятков миллионов людей на Земле, заставил нас изменить традиции. Впервые фестиваль проходит онлайн что позволит провести его без поцелуев и дружеских рукопожатий и тем самым избежать козней проклятого вируса. Но над словом и над добрыми чувствами он не властен. Поэтому от всего сердца поздравляем вас с нашим традиционным праздником славянской поэзии и надеемся, что необычный характер его проведения добавит новые краски в его волшебную палитру.

***Художественный
руководитель фестиваля
Сергей ГЛОВЮК***

Фото из архивов Сергея Гловюка и Ивана Белокрылова

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово художественного руководителя фестиваля Сергея Гловюка . . .	3
Фоторепортаж «Поющие письма» 2019	4

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПЕРЕВОД СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Условия конкурса	9
Переводы победителей конкурса	10

УЧАСТНИКИ:

БЕЛАРУСЬ

Валерий Липневич	13
----------------------------	----

БОЛГАРИЯ

Елка Няголова	17
-------------------------	----

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА/ РЕСПУБЛИКА СЕРБСКАЯ

Зоран Костич	20
------------------------	----

ПОЛЬША

Александр Навроцкий	23
-------------------------------	----

Рената Цыган	24
------------------------	----

РОССИЯ

Юрий Баранов	27
------------------------	----

Иван Белокрылов	28
---------------------------	----

Дарья Ващенко	31
-------------------------	----

Алексей Витаков	32
---------------------------	----

Андрей Галамага	34
---------------------------	----

Александр Герасимов	36
-------------------------------	----

Сергей Гловюк	39
-------------------------	----

Елена Иванова-Верховская	41
------------------------------------	----

Елена Исаева	43
------------------------	----

Ирина Ковалева	45
--------------------------	----

Вячеслав Куприянов	49
------------------------------	----

Максим Лаврентьев	52
-----------------------------	----

Жанна Перковская	53
----------------------------	----

Евгений Чигрин	55
--------------------------	----

Виктор Широков	59
--------------------------	----

СЕРБИЯ

Радомир Андрич	61
--------------------------	----

Вера Хорват	63
-----------------------	----

СЛОВАКИЯ

Мартин Пребудила	68
----------------------------	----

СЛОВЕНИЯ

Цветка Бевц	70
-----------------------	----

Примож Репар	73
------------------------	----

ЧЕРНОГОРИЯ

Милица Бакрач	75
-------------------------	----

Будимир Дубак	76
-------------------------	----

Милутин Мичович	77
---------------------------	----

Радомир Улярович	78
----------------------------	----

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПЕРЕВОД СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗИИ (проводится в рамках XII Международного фестиваля «ПОЮЩИЕ ПИСЬМЕНА». Август-октябрь 2020 г.)

Одним из основных мероприятий фестиваля славянской поэзии «Поющие письма» стал конкурс молодых переводчиков поэтического слова. Для этого начинающим авторам было предоставлено несколько текстов известных поэтов из славянских стран — подстрочные дословные переводы. На основании данного материала необходимо было создать поэтический перевод на русском языке и представить тексты переводов экспертной комиссии. Лучшие из переводов представлены в альманахе «Литературное содружество» и рекомендованы к публикации в центральных изданиях, а победители конкурса отмечены грамотами и дипломами фестиваля.

Международный фестиваль славянской поэзии «Поющие письма» был создан в 2009 году группой российских писателей при поддержке Министерства культуры России и администрации Тверской области и впервые проведен в Твери как естественное продолжение государственно-церковного праздника «День славянской письменности и культуры». Целевая группа участников — это известные, авторитетные поэты и писатели славяноязычных стран, работающие во всех жанрах взрослой и детской литературы. Впоследствии, начиная с 2009 года по 2016 год, фестиваль проходил ежегодно в мае в городе Твери. А с 2017 года стал проходить в Москве. В нем ежегодно принимают участие до 50 известных российских и зарубежных поэтов и переводчиков художественной литературы. Программа фестиваля включает в себя литературные вечера, презентации, мастер-классы по переводу, круглые столы, конференции и выступления славянских авторов. Финалом программы является гала-концерт и награждение участников. Премии присуждаются по четырем номинациям:

- «За выдающееся многолетнее поэтическое творчество»;
- «За переводы и популяризацию русской поэзии за рубежом»;
- «За переводы и популяризацию зарубежной поэзии в России»;
- «Молодому поэту».

В рамках фестиваля выходит альманах «Литературное содружество», представляющий творчество российских и зарубежных участников. Фестиваль получил европейскую известность. Есть масса материалов в российской («Российская газета», «Независимая газета») и зарубежной прессе: Словакии, Македонии, Сербии, Словении, Черногории, Белоруссии, Польше и др. В рамках фестиваля российским и зарубежным лауреатам издаются поэтические книги. Достаточно сказать, что за эти годы около двухсот (многие из них всемирно известны) поэтов были участниками фестиваля. В Тверской государственной библиотеке организован и открыт «Славянский зал», где в присутствии чрезвычайных и полномочных послов славянских стран торжественно открывались портреты классиков национальных литератур всех славянских стран, начиная с России: Александра Пушкина, Янки Купалы, Петра Негоша, Адама Мицкевича, Тараса Шевченко и др.

Художественный руководитель фестиваля «Поющие письма» член СП России, почетный член СП Македонии, Сербии, Черногории Сергей Гловюк

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ СТИХОТВОРЕНИЙ ДЛЯ ПЕРЕВОДА

Василь ЗУЕНОК (род. в 1935 г.), Беларусь

«Калі звiніць спякотны дзень»
«Я ў твар пабачыў сваю адзiноту»
«Я в лицо увидел свое одиночество»

Ян КОСТРА (1910–1975), Словакия

«Sny»
«Súmrak básne»
«Husličky»

Блаже КОНЕСКИ (1921–1993), Македония

«Прибежиште»
«Почеток на есента»

Тоне ПАВЧЕК (1928–2011), Словения

«Roka»
«Lan»

Десанка МАКСИМОВИЧ (1898–1993), Сербия

«Предосећање»
«Чежња»

1-е место

ПОЛЯКОВА Мария

1999 года рождения Москва.
Студентка 3-го курса Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета им. Мориса Тореза. Владеет языками: английский, немецкий, македонский, болгарский, сербский.

Блаже Конеский

ПРИБЕЖИЩЕ

Пока гаснет день, мы здесь каждый вечер сидим и молчим в тишине тугой, прохлады мы ждем, что приносит ветер, и каждый знает, что скажет другой.

Молчание это для нас важно очень — уносимся в нем мы вслед мыслям своим. Молчим мы все больше о том, что нас точит, и, как сговорившись, друг друга щадим.

Насмешник сторонний подумает, злобою полный, что всех нас на старости на необитаемый остров кораблекрушения жертвами вынесли волны.

Но циник не прав — и теперь мы храним нашу честь, и юности голос звучит и призывно и остро, хотя для отчаянья поводов не перечсть.

Десанка Максимович

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я узнала тебя, когда подступала весна,
весна, и снег сочился водою талой.
Я от близкой весны стала пьяна,
пьяна, и воздух жадно глотала.

С нежностью шла за тобою вслед,
вслед отпечаткам на снегу белом,
и поняла, что дороже тебя нет,
нет никого на свете целом.

Я узнала тебя в звонкие дни,
дни, что пьянящи, свежи, невесомы.
И мне кажется, что мы искони,
искони с тобой были знакомы.

С нежностью шла за тобою вслед,
вслед отпечаткам на снегу белом,
и поняла, что дороже тебя нет,
нет никого на свете целом.

Я узнала тебя, когда таял лед,
лед, что почувал дыханье весны,
когда день то возрадуется, то
взгрустнет,
и счастье с печалью тесно сопряжены.

С нежностью шла за тобою вслед,
вслед отпечаткам на снегу белом,
и поняла, что дороже тебя нет,
нет никого на свете целом.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Первые осени знаки:
неясная зыбь на траве,
неясный трепет во мраке,
неясный шепот в листе,
неясная тень в буераке,
неясная мысль в голове.

2-е место

МАЛИЧ Божена

2003 года рождения, Москва.
Ученица 11-го класса средней школы. Интересуется литературой и лингвистикой, пишет стихи. Изучает четыре иностранных языка.

Василь Зунок

ОДИНОЧЕСТВО

Я думал обмануть его — и что же?
Лицом к лицу со мной мой злейший враг.
Оно пришло, и встречу не отложишь.
Нет, этого не избежать никак.
Уже я слышу скрип открытой двери
И шорох листьев около крыльца.
Осталось лишь поддаться власти тени
И в ней тонуть до самого конца.
Моя душа — былинка в чистом поле.
Ее уже никто не защитит
И не спасет — ни завтра, ни сегодня.
А ветер все шумит, шумит, шумит...

Десанка Максимович

ЖЕЛАНИЕ

Ты придешь, я знаю —
Дышит ночь цветами, и листва шумит.
Знаю, потому что каждый лучик солнца,
Новый день встречая, ласково смеется,
И сияет небо в утренней тиши.
Потому что тает снег в саду весеннем,
Потому что рвется к небу стройный тополь,
И куда ни глянешь — полон мир любовью:
Чувства оживают даже у растений.
Потому что воздух нежностью наполнен,
Ждут тебя туманы, и цветы, и росы,
И ласкает ветер вишни и березы —
Все преобразилось к твоему приходу.
Так приходи, любимый! Не устану звать я,
О тебе все мысли, сны мои и песни.
Ты придешь — и сразу станет мир чудесней,
Всюду отзовется нежности заклятье.

Тоне Павчек

ЛЕН

С тех пор, как рядом появилась ты,
В моей душе синеют льна цветы,
И волны мыслей, чуть придет закат,
Несут к тебе их нежный аромат.
Я помню, как, в мечты погружена,
Ты по тропинке мимо поля шла,
И на один лишь миг льняных стеблей
Легко коснулась ты рукой своей.
И чудо: лен в моих полях — поверь —
Цветет еще красивее теперь.

3-е место

ТОВЕСКИН Константин

2003 года рождения, Омск.
Ученик лицея №54 города Омска. Инвалид-колясочник (ДЦП).
Увлечения — математика, иностранные языки, история, литература. Пишет стихи, участник и лауреат многих городских, все-российских и международных литературных конкурсов. Публикации в журналах «Идель» (Казань) и «Аврора» (Санкт-Петербург).

разделили два конкурсанта
Константин ТОВЕСКИН и **Полина ПАВЛОВА**
за прекрасный перевод стихотворения «Лен»

Ян Костра

СУМРАК ПОЭЗИИ

Сумрак стихотворений грядет.
Огонь вдохновенья умрет на взлете.
На лазури новые стихи начнет
Огонь убийственный — пулеметный.
К утру поэт сбросит кокон.
Крылья бабочки сожжет к вечеру.
Купол неба — расколотый колокол.
Под завесою мрака — мир изувеченный...
Час пробил — и поэт быть с оружием должен
Из металла, из-под наковальни прямо.
Красивые игрушки-женщины — в прошлом!
Новые музы — смерть и пули — рядом.
Обожженную руку протяни — как обещано.
Скажи — Не плачь! — Подавившись голосом.
Прощай, женщина! Женщина. Женщина...
Ужас рвет красоту на черные полосы.
Не царапай ни слова о человечности.
Душа твоя — в пуле проклятой!
Костями выстлан золотой век вечности.
Лети, зубастая, убивай, работай!

Полина ПАВЛОВА

18 лет. Живет в городе Челябинске. Студентка филологического факультета Южно-Уральского государственного университета. Увлекается литературным творчеством. Участие в конкурсе фестиваля — это ее первая попытка представить свое творчество на всеобщее обсуждение.

Тоне Павчек

ЛЕН

Уже давно я стал не одинок,
с тех пор синее в сердце льна цветков.
С тех пор волной к тебе все мысли мчат,
и каждый вечер льется аромат.
Сегодня ночью мимо поля ты
задумчиво прошла в плену мечты,
и на мгновение сквозь льна цветки
мелькнула белизна твоей руки.
И чудо, глянть, оставила в них след:
Еще красивей стал мой нежный цвет.

Валерий ЛИПНЕВИЧ

1947 г. р., поэт, критик, переводчик, эссеист, прозаик. Родился в г. Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Работал журналистом и редактором в газетах и журналах.

Его стихи постоянно публиковались в белорусских и российских ведущих периодических изданиях. Автор нескольких поэтических книг, изданных в Минске и Москве.

Его стихи переводились на многие языки: литовский, украинский, белорусский, сербский и др. Имеет множество публикаций в зарубежных изданиях. Много и плодотворно переводил и печатал белорусских поэтов. Лауреат премии журнала «Неман», международного фестиваля свободного стиха «Европейский дом», премии журнала «Дружба народов», лауреат международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена», Россия.

ДЕД

Проснуться поздно в дедовой хате,
непривычно просторной
и уже навсегда пустой.
Смолистый рисунок на досках
похож на фотографию течения
той реки,
что текла из глубин по сосновому руслу
и впадала в небо,
ветвясь, как дельта.
Зеленая вода
текла в синее море.
Дед глядит со стены.
Острые, как два сучка,
глаза пронизывают насквозь.
— 100 коней одного пана везут!
Сколько ж коров за такие деньги?
За две раскулачивали.
Каждый остается на своем месте.
Ты остался на печке:
лампочка над головой, очки на носу.
Старательно изучаешь вчерашнюю «Правду».
Все ли пишут, как надо?
Ты самый последний
и самый строгий редактор.
— Как это там без тебя обходятся? —
Критики снизу —
бабушка чистит картошку на пороге —
ты не слышишь.
— Вот глухня... —
Но еще долго
будут щи не кислые,
а чай холодный.
Не выступай, знай свое место!
Аккуратно складываешь газету
и берешься за Льва Толстого.
— Справная выдумка! —
не отрываешься до обеда.
Разогнав кур во дворе,
снова взбираешься на свою трибуну,
которая одновременно
и самое надежное, проверенное укрытие.
Какой же ты философ,
если нет у тебя русской печки
да хотя бы одного слушателя в запасе?
Теперь за дело.
Привычно распахиваешь мемуары Жукова.
Входишь с любой страницы
и закрываешься на крючок.
— Лучше бы забор починил...
Тут уже не дозваться.
Можно выносить вместе с печью.

Только сейчас
 минувшее встает в полный рост
 и волнует, как программа «Время».
 В темной воде случайностей и
 существований
 нащупываешь неожиданно
 кладки истории.
 Век отбил тебя как косу.
 Неутомимо выкашивал годы.
 Ложились ровными прокосами,
 сохли на граблях
 и становились понемногу
 душистым сеном воспоминаний.
 Не сосчитать стогов.
 Ты косил всюду, где мог.
 Будто знал: будет старость
 долгая, как зима.
 В слезах просыпаешься —
 ничто в настоящем тебя так не трогало.
 Был скуповат на чувства.
 Сны, бесконечные сны на горячей печке.
 — Что было, а что приснилось —
 не разберу.
 Был ли красный конь на зеленом лугу?
 Речка вровень с берегами?
 Серебристая плотва облаков?
 Детство с удочкою в руке?
 Что было, а чего не было?
 Где свидетели и очевидцы?
 Размыта слезами
 грань между явью и сном.
 Разморенный полднем,
 ты прикорнул под ольхой.
 А телята в жите.
 Собаки обнюхали и отошли,
 панич пинает,
 а ты и не слышишь.
 Хватает за ноги,
 раскручивает над головой
 и — гы-гы-гы! —
 некуда силы девать —
 пускает в кусты.
 Ты просыпаешься над землей
 и спокойно закрываешь глаза —
 снится:
 Седой пан гладит по голове,
 мягкой белой рукой
 щупает, где что болит,
 и приказывает дать
 полпуда муки и пять фунтов сала.
 Молодцом держишься дома —
 добытчик.
 А мать обнимает и плачет,

и все начинает болеть...
 Баржа у пристани, гора арбузов,
 веселый босяк наверху.
 — Лови, служивый! —
 И арбуз раскалывается о доски
 прямо у ног.
 Первая мировая
 созрела уже, как нарыв.
 А время беззаботно-счастливое,
 легкое, как пух.
 Снится последний конь,
 со звездочкой, в белых чулках.
 Впервые плакал, не хотел отдавать.
 Сам не повел, сказался больным.
 Берег его на колхозной работе.
 И цыгане украли...
 — На той же земле
 в колхозе больше растет.
 А если бы еще и работали, как раньше!
 Сколько народу горбатилось.
 И от темна до темна.
 Только пьяниц таких не помню...
 До привычных крестьянских забот
 был не очень охоч.
 («За книжками света не видел!»)
 Но руководить, командовать —
 это любил.
 Культ личности в хате
 не выветрился и поныне.
 Донимал председателя:
 не то сеешь, не там!
 Почему не слушаете землю?
 — Хо, дед!
 Земля выговора не даст,
 с работы не снимет!
 — Вот то-то и оно...
 Ушла вместе с ним из хаты
 мужицкая боль и забота.
 Сверху виднее!
 Страна большая!
 Не пропадем!
 Идет лен под снег,
 запахивают овес — сверхплановый!
 горят скирды соломы.
 Поле стало только пейзажем,
 хата — дачей,
 которую никак не поделят.
 На старой фотографии
 еще моложавый,
 празднично одетый —
 пиджак, косоворотка, —
 но такая тоска в глазах,
 такая привычная боль,

такая неустроенность.
 Кроме литров и центнеров —
 где и чего? —
 приходится в среднем
 на человеческую душу?
 В войну прятал кто что.
 Ты — сундук с книгами.
 От Библии до Шолохова.
 Было что-то у тебя от Григория.
 Твоя седая Аксинья дарила пряником
 и провожала меня взглядом.
 А бабушка плакала:
 посевная — уборочная, лен — бураки,
 свинья, поросята, телята, гуси,
 корова, дети — где уж...
 А дети так и росли —
 на последнем месте.
 И легко выпадали из родного гнезда,
 где ни тепла, ни уюта, ни ласки.
 Только к старости собралось —
 для внуков.
 Ты удивляешься сам себе:
 шел возле речки ночью
 и впервые почувствовал страх.
 — Все же знаю,
 каждое колено, каждую яму,
 да вот боюсь.
 Скоро помру, —
 признался так виновато,
 как будто не сделал чего-то обещанного
 и теперь никак не успеть.
 С великими вроде все ясно.
 Остается загадка маленького человека,
 который в эпоху войн, революций,
 потрясений
 прожил почти девяносто,
 родил детей,
 дождался внуков и правнуков,
 вырастил сад,
 прочитал нужные книги
 и умер в своей постели
 во сне,
 навсегда оседлав наконец
 своего коня.
 Не воровал даже колхозное —
 за соломой в скирду ходила бабушка.
 Не писал доносов и анонимок,
 никого не убил.
 Той небольшой властью, что приходила,
 пользовался осторожно.
 Всегда оставался самим собой.
 И на все вопросы
 признавал только собственные ответы.

— Почему река не прямо течет?
 Чтобы муть оседала! —
 Но вопросы
 были тоже собственные,
 что и спасало.
 Яркость январских снегов.
 Мороз и капель.
 Пилим дрова во дворе.
 Ты — себе, я — себе.
 Чистая струйка опилок
 ударяет то в валенок,
 то в литой сапог —
 зимой и летом в резине.
 Бабушка глянет с крыльца —
 еще не поссорились.
 — Нравные...
 Отступив на шаг,
 ты внимательно следишь,
 как я укладываю на козлы
 коленчатую вербу.
 Спокойно роняешь:
 — Выгибается, как река.
 Подарил речку и лес,
 детство под старой липой,
 а метафору — напоследок.
 Поверхность воды
 в мгновенных складках-морщинах.
 Кажется шероховатой на взгляд,
 как кора старой вербы над ней.
 Дерево, река, человек —
 слова будто разные,
 да все об одном.
 Деревья впадают в небо,
 как реки в море.
 Краткое и зеленое
 струится медленно
 к вечному и голубому.
 Куда текут и впадают
 наши жизни?
 Медленно — словно дерево.
 Стремительно — как река.

А. СПРИНЧАН

В лабиринте прозрачной печали

Распахнутые двери церкви,

Никто не заходит,

Я тоже проезжаю мимо,
Только шепчу:
Смилуйся, Боже...

Слова водителя
как глас небесный:
Площадь Свободы!

Двери распахиваются,

Никто не выходит...

Так жизнь люблю,
Что умирать не страшно.

Другим оставляю
Место на земле.

Все облака здесь
В поисках Отчизны,

И камни все
Окружены цветами,

И белые следы твои в снегу
Здесь не исчезнут,

Но пропадут
Твоей измены черные следы...

В траве на берегу Припяти
Играет мое детство,

Плывет к белой кувшинке,
Наблюдает за стрекозой

И не знает,
Что это последнее детство
Без Чернобыля...

Елка НЯГОЛОВА

Поэт, издатель, переводчик, беллетрист, антологист. Создатель и первый председатель Международного объединения «Славянская литературная и художественная академия». Эта академия структурирована в двадцати странах мира. Основная ее цель: духовное единение и сближение культур славян.

Главный редактор журнала «Знаки». Директор для Балкан МАП — Международной ассоциации писателей. Директор Международного фестиваля поэзии «Славянское объятие». Действительный член Академии российской словесности, Академии поэзии, Академии русской литературы. Автор более тридцати книг, среди которых 11 издано за границей. Лауреат более 15 национальных наград, а также литературных премий в России, Сербии, Черногории, Польше, Великобритании, Латвии, в Республике Сербской. Переводит с 5 славянских языков.

В России печатается с 18-летнего возраста в журнале «Юность», в газетах «Литературная газета» и «Комсомольская правда», «Дружба» а также во многих журналах, альманахах, антологиях..

Она переводила стихи русских классиков и современных авторов, а также и славянских поэтов из многих стран. Объявила и антологию новой русской поэзии (34 автора) и еще много представительных тематических всеславянских антологий, где включены по 25—30 русскоязычных поэтов из России, Беларуси, Армении, Латвии, Литвы.. Член редакционного совета журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург). На русском языке вышли ее книги: «Каштан на ладони» (2006 г., изд. «Воскресенье») и «Ангел в пещере» (2015 г., изд. «Паблис» — Москва). Скоро будет в руках читателя новая ее поэтическая книга «Белый пилигрим».

1. АКАЦИЯ

Запрокинешь голову, а там без края
Только небо. Как часто я вспоминаю
Всех воздушных змеев под облаками,
Что мы с папой клеили и запускали.
Будто ласточки выше и ниже сковали,
На бумаге надежду себе рисовали...
«Будет кратким полет, помоги ему дочка». —
Ветер сумерки рвет, я сжимала все ночи
Пальцы, чтоб удержать высоту бечевою,
Я боялась проспать, я не знала покоя,
Оставалось лишь белых бутонов дожждаться, —
«Подожди, вот уже зацветает акация». —
Кто сквозь годы теперь мне слова эти скажет,
Столько бед и потерь и безмерная тяжесть.
Не хотела считать, но душа все копила,
Если я упаду, то теперь уж в крапиву.
И не знает никто, где конец, где начало, —
В белой пене цветов, в белой пене причала...
Но в который уж раз отцветает акация,
Бесконечную улица стала казаться,
Лепестков дикий мед, с детства памятный запах,
«Будет кратким полет» — я запомнила, папа.

Перевод Елены Ивановой-Верховской

2. РУКИ МАМЫ

Руки мамы укропом пропахали.
Детством. Летом. Визитом врача.
Я не плачу... Соленые капли?...
Это просто слезится свеча.
Это мама во сне осторожно
Простыней укрывает меня.
Осчастливить, наверное, можно,
С неба светлую тенью маня...
Помнишь, мама, мы вместе искали
Трав целительных чудо-цветы.
И пока собирали — устали,
Задремали в траве — я и ты...
Снился папа... Такая примета —
Значит, скоро обед и привал.
«Это пчелки, влюбленные в лето...» —
Он веснушки твои называл.
Пахнут руки запаркой из липы.
И мелькают шальные крыла
В небе синем... Под мамины всхлипы
Божья Матерь мне чай налила.

Перевод Анатолия Аврутина

3. ВОЛЧЬЯ МЕТЕЛЬ

В ночи столетняя метель
 Являлась волком-альбиносом.
 Он сон кромсал... Он страшным носом
 Сминал мне детскую постель.
 Тогда я к папиным рукам,
 Заплавав, прижималась молча.
 Метель ревела... Злая... Волчья...
 И ужас плыл по облакам.
 В ночи черешня под окном
 Стенала и стучала в стекла.
 А у меня подушка мокла...
 Я жалась к папе... В горле — ком...
 А волк луну и грыз, и тряс,
 И ночь, как белую таблетку,
 Вдруг проглотил... Сломалась ветка...
 И в целом мире свет погас.
 Спасенье — в папиных руках...
 Волк злобно выл перед порогом...
 Перед метелью и пред Богом
 Ношу в душе извечный страх
 И не могу себе помочь,
 Когда метель раскинет лапы...
 Я все ищу ладони папы...
 Но папы нет... Лишь волк и ночь...

Перевод Анатолия Аврутина

4. НЕВЫСКАЗАННОЕ

*Мужчинам на Святой Руси
 Не нужно счастье...
 Максим Замшев*

А женщины в моих краях
 Стирают небо.
 В их смехе солнечный распах
 Сияет немо.
 По осени и там и тут
 Под божьи гневны
 Из туч мелодии прядут,
 Прядут напевы.
 Молитву женщина твердит
 Сквозь сумрак серый,
 Как будто учит алфавит
 Любви и веры.
 Опять о детях сны и речь.
 Скользка дорога.
 И хлеб торопится испечь
 Для них и Бога.

Все молит: «Боже, помоги
 Дойти до сути!»
 Считает «Звездный грош» шаги
 В душевной смуте.
 И так в Болгарии везде —
 И мать, и сваха
 Как бы распяты на кресте
 Любви и страха.
 Который век, который год
 При всем народе
 Душа как иволга поет,
 И боль уходит.

Перевод Анатолия Аврутина

5. ЗНАКИ

Так с каштанов листья облетели,
 словно захотелось им влюбиться.
 А за нами искоса следили
 мимо проходящие девицы.
 В руку дам тебе каштан упавший,
 Он такой — на ощупь — обнаженный...
 На колени предо мною вставший
 царь, высокомерия лишенный.
 В этом дне как будто неуместны
 и одежды будничной не носим —
 дерзко влюблены, легки, чудесны —
 словно входим вовсе и не в осень.
 Нас запомнят эти перекрестки,
 мы, в любви сошедшие с котурнов, —
 пьяные, счастливые подростки
 и герои драм литературных!
 Фатализм отбросим в этот вечер —
 все плохое отойдет куда-то...
 И корабль, плывущий нам навстречу,
 нас гудком одарит хрипловатым.
 Все реально — как четверг и вторник.
 Истинно — как рук переплетенье,
 Только что ж в груди незримо колет
 и во взгляде пробегает тенью?..
 Ведь казалось — все не понарошку,
 все всерьез, — и знаки жизнь подносит.
 Только страх подставил нам подножку —
 Осень.

Перевод Елены Исаевой

6. СОЛНЕЧНЫЙ КОЛОДЕЦ

Водой переполняются колодцы.
 Какой-то одуванчик шапкой машет.
 И дерево стремится поклониться
 земле благословенной нашей.
 Земле, впитавшей песни нашей речи,
 кто скажет, что в крови нет вспышек молний,
 когда возносятся каштанов свечи,
 а птицы вдруг становятся безмовны.
 Они, быть может, шепотом воркуют,
 Возносятся молитвенные требы
 за наши слезы в пятницу страстную,
 когда ты сам себе и крест, и небо.
 Расшатанную лестницу ты все же
 поднимешь к свету, с мраком спорить смея...
 Мрак утянуть назад за руку может.
 В глазах у одуванчика темнеет...
 Любимый поцелует так поспешно —
 в руках его иголку обнаружишь.
 Проступит кровь на пальцах загрубевших,
 а взгляд его напомнит зимний ужас!
 Но если птицы молятся незримо
 и дерево кладет свои поклоны,
 одной иголю сможет твой любимый
 колодец вырыть солнечный, бездонный.
 Он за тебя приемлет эти муки!
 Остановись — взгляни, как блещет солнце!
 Ты поцелуй исколотые руки,
 и Пасха в этот самый миг начнется...

Перевод Елены Исaeвой

7. РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Райские яблоки. Вместо рая.
 Грустные взгляды — людей и ангелов.
 Бел Андреев день — до бескрайности.
 Серафимы — высоких рангов.
 А человек — небо разжаловал.
 А человек — фигура плакатная,
 И в плакате — любовь и жажда.
 И заснеженность необъятная.
 Стих написан чернилами белыми
 Нерадиво, с ошибками глупыми.
 Тишина — как пред общим побегом...
 Человечество, стой, ты запуталось!
 Светлый рай на Востоке — проверено.
 Снежные ангелы родом оттуда.
 Райские яблоки. Рвали их смелые.
 Ад свой носят в себе покуда.

Перевод Татьяны Житковой

8. СОТВОРЕНИЕ МИРА

Изогнулся мир, как горбатый мост,
 Жизнь и смерть о двух берегах,
 На него Господь вышел в полный рост
 С поднебесной рубахой в руках.

Он искал, кому подойдет она,
 Чьей бессмертной станет судьбой,
 Но лишь рыбью икру поднимала волна
 Да искрился песок золотой.

Он искал, второго такого, как сам,
 Чтоб рубаха впору была...
 Но вокруг никого, только птичий гам,
 Да дежурная зыбкая мгла.

И тогда он сложил этот свет над рекой,
 Птичий посвист да крыльев размах...
 И увидел мальчишку с льняной головой
 И смеющейся бездной в глазах.

И тотчас же запела речная вода
 О любви, чей неведом предел...
 Опустился Господь на колени тогда
 И ребенку рубаху надел.

Перевод Елены Ивановой-Верховской

Зоран КОСТИЧ

Родился в 1948 году в городе Цетине (бывшей столице Черногории). Школы: основная — г. Никшич (Черногория), г. Крушевац (Сербия). Филологический факультет Белградского университета. В начале 70-х годов публично, выступая против новой конституции Югославии, Зоран Костич организовал студенческую голодовку и опубликовал несколько статей, основной тезис которых состоял в том, что новая конституция — это благодатная (подготовленная государством) почва для будущего развала Югославии. Последствиями этих действий стали арест, несколько месяцев заключения и полных 12 лет запрета на публикации. Все это дало обратный эффект и вызвало повышенный интерес читателей к книгам Костича. В своем эссе о книге избранных стихотворений З. Костича известный сербский писатель и литературовед Владимир Ягличич резюмировал оценки сербской литературной критики: «Зоран Костич — один из

величайших сербских поэтов второй половины XX века. Его творчество абсолютно своеобразно. Он создал свой собственный стиль. Можно и не подписывать его стихи — вы сразу узнаете, кто их автор». Более 180 стихотворений и поэм З. Костича вошли во многие антологии сербской и югославской поэзии (в том числе и в две, изданные в России, авторами которых являются Сергей Гловкок — «Поэзия славянских народов XX века» и Андрей Базилевский — «Антология сербской поэзии»). Его стихи переведены на 19 языков и награждены множеством престижных наград в Сербии, Черногории, России и в Республике Сербской. Зоран Костич опубликовал 34 книги стихов, прозы и переводов, среди которых 17 собственных поэтических сборников. Стихи З. Костича награждены многими престижными литературными наградами Югославии, Сербии, Черногории а также и России (Золотой Витязь, приз Международного фонда славянской письменности и культуры). Пьесы Зорана Костича, получившие несколько престижных наград, играют на сценах Республики Сербской, Сербии, Черногории, а «Путь в Цариград» 4 сезона с большим успехом игрался в «Театре современной Белорусской драмы» в Минске. Этот спектакль получил «Специальный приз» на 3-м Международном театральном фестивале «Золотой Витязь», Москва, а тремя годами раньше, на том же фестивале, и спектакль по пьесе З. Костича «Тринадцатый день». С октября 2015 года спектакль «Тринадцатый день» поставлен на сцене театра народной драмы города Иркутска. В 2002 году на кинофестивале «Золотой Витязь» в Тамбове З. Костич получил одноименную высшую награду за сценарий фильма «Трепетова». Кроме того, З. Костич пишет рассказы, эссе и публицистику. Зоран Костич — член Союза писателей Сербии, Союза писателей России. Он двенадцать лет являлся председателем Союза писателей Республики Сербской, в столице которой Баня Лукае и проживает. Академик Международной академии славянской поэзии.

НА ПЕПЕЛИЩЕ ЦЕРКВИ В ГЛИНЕ

В селенье сербском братская могила.
Звучит молитва, вьется дым кадила.

Но что невинным жертвам это пенье,
когда палач молчит о преступленье?

Здесь мучеников кровь лилась рекою.
День обернулся черною судьбою.

На этом месте, Всемогущий Боже,
Тебя с детьми и стариками, тоже

облив бензином, обложив дровами,
огню предали в православном храме.

Все стихло. Только головни дымились.
Дела закончив, палачи умылись

и, свежие, легли в постели к милым,
слова любви шепча с таким же пылом,

с такой же страстью, Боже, и любовью,
с какою храм твой заливали кровью.

Неужто тайна — лишь в воде и мыле,
которым кровь с себя убийцы смыли?

И сможет ли убийца смыть водою
все злодеянья, что принес с собою,

и жить потом в обличье семьянина
с женою, что ему подарит сына,

что, как отец, смывает с рук сегодня
кровь православия и кровь Господню?

Перевод А. Шумилова

ЧАРНОЕВИЧ

*Зима в сербском Сараеве**1995/96 года*

Все мы оставим — до кромки, до нитки.
Слышишь, жена, все бросаем пожитки:

Все наше благо, все наше брашно,
с Богом, навек! Ты прощай, мати-пашня,

пожня-сестра, гора-отчина, с Богом,
братец-первач в бутылке под порогом,

люба-пшеница, зерно многооко,
все меня жжет и пытается жестоко:

дом мой родимый — дедовский, отчий,
все мои зори и сны, дни и ночи;

стены, простите, костер раздуваю, —
вы меня грели, а я вас сжигаю;

жизнь, полыхай же, горите, стропила,
вас не чужая рука подпалила,

чтоб этой ночью раздвинулись дали,
чтоб на погосте все мертвые встали;

кости покойных уходят с живыми.
Дом, ты — свечою — над нами, над ними.

Бог нас простит, что на отчем погосте
сдвинуты камни, откопаны кости

наших покойных и страшным исходом
в ночь со своим выступают народом

землю искать, где их прерванный отдых
не возмутят осквернителей орды.

Перевод Ю. Лоцица

ВЕНОК ДЛЯ ТРЕПЕТОВОЙ

1

Хотя нам только мнилось это,
хотя и не было в помине,
но сердце, очищаясь светом
от злобы, лени и гордыни,

толкало в путь к сосновым кронам,
в холодный русский край, где Лада,
и свят-алтарь, что у Царь-звона,
чтоб оказаться с нею рядом,

услышать «Да», что из кувшина
славянской розой распустилось
признанием семье старинной,
где пращуrom был первый Костич.
Им, гибнувшим за веру, снилась
вот эта встреча — тосты, гости.

7

О самом главном здесь ни строчки!
И эта ночь вдвойне напрасна:
очередной сонет не хочет
вести меня дорогой ясной.

И мыслей стройный ход нарушен,
эмоции — вот враг нюансов.
Не отличаю правды сущей
от разбегающихся красок.

Что важно мне, то для другого
стиха, пожалуй, недостойно...
Лишь ты да я под звездным кровом.

Мы счастливы, но как нелепо
писать о счастье, если тонет
в пучине племя русских, сербов!

10

Театр в Москве считают храмом!
Людей на сцене и в партере
я наблюдаю утром рано
и поздней ночью в полной мере.

На площадях, в бистро дешевых,
на улицах и в тех же храмах...
Москва — как примадонна в шоу,
для жителей — иная драма.

Вписал я в бенефис актрисе:
от жизни русские бежали
и жизнь от русских — в закулисье.

Театр абсурда — смех и горе,
все суета, на сцене, в зале...
Невидимая там, в соборе.

14

Любви моей свеча святая
вдруг вспыхнула необычайно
в ночной тиши родного края
на встрече, в общем-то, случайной.

Была слепа ты — вот в чем дело!
Мужчина с женщиной в июне,
они и ночь, и к телу тело,
слова не те, что накануне...

Сон позже одолел обоих,
проснулись мы — и был День Первый:
«Тебя мне мало!» — «Я ж с тобою!»

Смешались наши крови-реки,
раскрылась почка чистой вербы.
Теперь нет «Я». Лишь «Мы». Навеки!

Перевод Ю. Лакербая

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

Скупаю старые искромсанные рощи,
корявые дубы и сосны скупаю,
ведьмачьи утробы, где нечисть ропщет,
по-волчьи воя, по-лисьи лая.

Скупаю тучные и сухие нивы,
пшеницу, рожь, кукурузы початки,
стерню, терновники, кипень крапивы,
огородные пугала, межи и грядки.

Скупаю в горах сторожки пастушьи
(денежки — сразу!), а в долинах села,
целиком, частями, где живые души,
и те дома, где пусто и голо.

Скупаю остовы, печища, руины,
лебедой и полынью заросшие стены
(очаги из старой морщинистой глины,
без крыши, имеют особую цену).

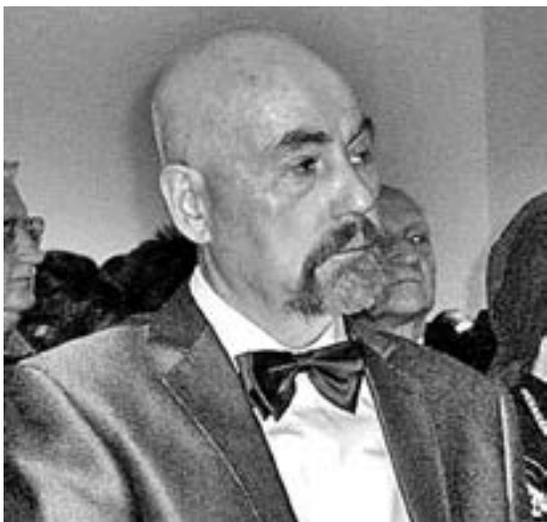
Скупаю большие дома и хибары,
хлевушки, подвалы, чуланы, повети,
нужники, собачьи конуры, амбары,
овины, свиные и овечьи клетки.

Монастыри, церкви, часовни и башни —
скупаю древние ваши святыни,
пристанища мертвых скупаю ваши
(лучше — забытые всеми живыми).

Скупаю все ваши поля на свете,
мертвых молчанье, живых дыханье,
скупаю воздух, воду и ветер,
и в небесах облаков сверканье.

Солнце, звезды — от края до края, —
минувшие дни и те, что будут,
все имена ваши оптом скупаю
и все их стираю — до последней буквы.

Перевод Ю. Лошница

Александр НАВРОЦКИЙ

Поэт, прозаик, критик, издатель, переводчик. Родился в 1940 г. Окончил Варшавский университет. Дебютировал в 1965 г. на страницах еженедельника «Культура». Владелец книжного издательства IWiS, издатель журнала «Поэзия Дзисяй» («Поэзия сегодня»), организатор Всемирных Дней поэзии под патронатом ЮНЕСКО, редактор и издатель монументального труда в трех томах под названием «Польская поэзия. Антология тысячелетия». Опубликовал свыше 20 томов переводов из венгерской, румынской, болгарской, русской и финской литературы. Сборники: «Ржавые плоды», «Сущее», «Небо мчится на босу ногу», «Ракитное счастье», «Тернии», «Вилы смерти», «Слишком ранний снег», «Для влюбленных», «Празднует из снов и врагов», «Не твои сребреники», «Тень его ангела», «Шаманизм и венгры», «Как убили Имре Надя». Стихи переведены на венгерский, румынский, болгарский, сербскохорватский, русский, английский и немецкий языки.

Твой плач уносит журавлей осенний клин,
А в сердце гаснет имя, что недавно
Во всех склоненьях жило, в падежах,
И больше нет в моих руках твоих волос,
Есть только ночь.

Перевод Анны Бессмертной

БАРБАРА

О, имя твое, как брусничная мякоть,
Улыбка сквозь ветви, с глазами косули,
Ты томною вишней привадила принца,
И стоны твои все с серебряным звоном.

И дерево к тебе наклоняется с лаской,
А если, бывает, кувшин разобьется,
То ты терпеливо собираешь осколки,
Прекрасной мозаикой день украшая.

Ты красишь снега, просто так, на прощанье
Свой взор устремив на взошедшие звезды,
Раскинув ладони, ты слушаешь небо,
Когда по стволам пробуждается ток.

Когда затихают дожди по цареву велению.
Ежовую бурку сейчас же заброшу подальше,
Клыки закопаю под дубом развесистым
старым,

И снова с заветным брусничным настоем
Я выпью твое загустевшее красное имя.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Редко улыбается
Девочка-дурнушка.
Ищет свое счастье
Среди книжных слов.

Детскими глазами смотрит не мигая,
Радуетя солнцу, небу и цветам.
Тихо гладит кошку
Нежною ладошкой.

Зеркало начистит с грустною надеждой
В зале ожидания, комнате своей.
Выйдя на прогулку, на луну не смотрит,
Со слезами ходит к серенькому пруду.

Девочка-дурнушка
Говорит ли тихо,
Говорит ли громко,
Я боюсь и тихих, и веселых слов.

Перевод С. Гловюка

Рената ЦЫГАН

Современная польская поэтесса, которая также пишет прозу, а кроме того, художник, график, иллюстратор и фотограф. Лауреат многих национальных и международных конкурсов, в том числе Международного фестиваля искусств «Степная лира» (2018). Живет в Лондоне, работает редактором на телевидении. Автор публикаций в литературных журналах, альманахах и антологиях. Выпустила целый ряд поэтических книг. В данную подборку вошли стихи из книги «Бываю трубадуром», изданной в 2017 году. Стихи переводились на английский, болгарский, белорусский, русский и другие языки. Замужем, имеет двух дочерей.

МАДОННА С ЧИЖИКОМ

Мадонна с чижиком в саду, заросшем где-то, —
Сама как роза, яблони в цвету, —
Пришла собрать распев молитв рассвета
И с крон стряхнуть кошмаров черноту.

Льняная ладанка, лаванды в ней сердечки,
А от хвороб хранит нательный крест.
Засовы душ пришла открыть в местечке —
Одна как перст, как в поле дуб окрест.

На рынке ругань, голуби на травке,
Дорога к башне тает за углом.
Пан бородатый с горя пьет на лавке
Без всяких сожалений о былом.
Мадонна с чижиком, печалей сонных речка,
А небо отмкнуто, но мимо путь лежит.
Все светится от солнца, но местечко
Как раздраженный шмель в траве жужжит.

СТАНУ ВСЕЛЕННОЙ

Стану Вселенной с любовью во взоре,
Скорбь отведу и развею все муки,
Вылеплю горы, придумаю море,
Смыслом наполню бессвязные звуки.

Смутных иллюзий неверное пламя
Сплаваю я в чудо шуршащей осоки,
Лучших решений, что приняты нами,
В брошку луны, что блестит в водостоке.

Пусть постоянно с пути я сбиваюсь,
Но нахожу его заново, ибо
Там, где зовут меня, я появляюсь
Корнем в земле иль как в заводи рыба.

Мру муравьем, но тропой своей бурой
С гулом баллады сновать успеваю.
Разной бываю я — радостной, хмурой,
Но лишь под взглядом твоим оживаю.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Я золотая рыбка, живущая в воде,
Овевая тюлем хвоста и плавника.
Алмазами сверкаю, фланирую везде,
Танцую в анемонах, вглубь глядя свысока.

Плести в пруду желаний вальс я дала зарок,
Сквозь жабры выпуская вверх пузырьков балет.
В моменты грусти слышу волшебный шепоток
И заключить в объятия хочу весь белый свет.

В раю вот этом водном всяк сладко ест и пьет,
Корм поступает даром ему в засаду губ.
Но только мысль покоя мне все же не дает,
Что жизнь одна и отнял ее стеклянный куб.

А ПЛАТАНЫ ЕЩЕ ПЛЯШУТ

Глаз твоих булыжник, известковый шпат,
А в моих вороны — слезы на снегу.
Песни про пустое, мяты аромат,
Пламя изумленное, бульканье в мозгу.
Слово будто гиря у тебя, во мне
Трепет ста колибри, а не мудрость сов.
Крошки жалких жалоб сгрудились на дне
Больше не песочных, а пустых часов.

Губы деревянные у тебя — конфуз,
Взгляд скользит бессмысленно от стены к стене.
Крах надежд повсюду, сожалений груз,
Но еще платаны пляшут в вышине.

НАДУВНЫЕ ТАКСЫ В КАКТУСАХ

Жизнь не сообщает, что дошла до края,
Хоть мы догадаться сами бы могли.
Делай вдох за вдохом, радуясь, страдая,
Падай с неба неба на язык земли.

Змей в уме шипенье, а в ладонях — грезы,
В чашке — предсказанья из чаинок мне.
Все-то мы рядимся в радуги и розы —
Надувные таксы в кактусов стране.

Небеса лазурны, совершенно тело,
Губы, жесты, позы — лучше не смотри!
В перьях и алмазах мы, такое дело,
Безупречны с виду, полые внутри.

БЫВАЮ ТРУБАДУРОМ

Не снятся умершие мне,
Я не кричу им вслед.
Пусть уплывают в лучший мир
Сквозь облачный просвет.

Порой и я, как трубадур,
В бессонной ночи час
По волнам памяти плыву
Тех, кого нет среди нас.

Хотя ни с кем из них давно
Свиданья наяву
Не стоит ждать, но мы одно,
Лишь ими я живу.

Не снятся умершие мне:
Ведь смысла нет, а жаль,
Смотреть с надеждой в пустоту
Сквозь горьких слез вуаль.

Мчит вдаль состав судьбы, а я
Все пробую тишком
Двух рельсов лопнувших края
Стачать одним стежком.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Ищи названия на ветках,
Спешу собрать, едва созрели,
Со свежей яркостью в расцветках,
Пока они не потускнели.

Выдергивай из почвы строки,
В лугах их поливали грозы,
Чтоб лучших слов вобрали соки
Редкоземельных смыслов дозы.

А слог высокий, тот, что нужен,
Поэтов королю на троне,
Отыщешь в небе среди жемчужин
Под шепот звезд в его короне.

ЧЕРЕШНЕВАЯ ОРГИЯ

Уже набухло новой жизнью что-то,
Чья плоть была везде — ала, кругла.
А сколько съела — сбилась я со счета,
Но все ж остановиться не могла.

Я думала, что эту страсть прихлопну,
Но солнце в дверь сочилось по лучу.
Казалось, что всего одна, и лопну,
Не влезет больше, но... еще хочу!

Я ела, ела и с ума сходила,
Кругом валялись косточки в траве.
Сосала сок, и мне все мало было:
Такой компот творился в голове!

Одна к другой — мне приходилось туго,
Подсела я на сладкую иглу,
И голый Купидон пустил из лука,
Устав смотреть на это все, стрелу

От зависти — он голода не знает,
Но если б мог, со мной бы ел, стервец!
Пусть из рогатки косточки пуляет,
Чтобы разбитых не было сердец.

ШЕЛКОВИЦА

Шелковица — сладкая ягода белая.
Мы угол срезаем вдоль кладбища сонного.
В ветвях то ли пение птицы несмелое,
А может, пиццанье котенка бездомного.

Вон сколько шатается около школы их:
Пес, слова «домой!» не узнавший значения,
Ребята чумазные и полуголые —
У них-то за каждым углом приключения!

Срубили шелковицу, школьное здание
Весною снесли, несмотря на протесты,
Но как же я камерой воспоминания
Приблизить хочу это время и место!

ТЫ В МОИХ МЕЧТАХ

Предсказанный проповедником
Меж облачными холмами,
Мне явленный без посредников
Поэмами и псалмами,

Рябиновой серенадой,
Прищурями глаз зеленых,
Огнем они пусть порадают —
Прохлада не для влюбленных.

Устала не соглашаться я
С реальностью чуждой всею.
Скажу: «Прощай, гравитация!» —
И взмою в воздух, как фея.

ШКАФЧИК С ЛЕКАРСТВАМИ

Маленький шкаф, где хранятся пилюли.
Доступ открыт к ним — достань их небрежно,
Эту, не дрогнув, попробуешь, ту ли
Ты из флаконов, мерцающих нежно.
Мельница мыслей, во рту, как в июле,

Сухо, но шкаф, где хранятся вердикты —
Мощь избавления в крошечных склянках,
Даже сквозь преющих листьев реликты
Солнцем надежды сияет в обманках.
Дни без конца, ночи кратки, как крипты.

Маленький шкаф для большого сеанса.
Чей-то звонок, вынуждающий руку
Отдернуть и выйти из транса
С мыслью, пронзившей сознание сквозь муку,
Жизнь не лишать ее нового шанса...

Перевела с польского Ирина Ковалева

Юрий БАРАНОВ

Родился в 1933 году и почти всю жизнь прожил в Москве. Радиоинженер по основному образованию. Литературным трудом занимается с 1960-х годов. Много лет работал в газетах СССР/России. Последние семь лет — в «Литературной газете». Член Союза писателей России, избирался его секретарем. Автор десяти поэтических сборников и 12 книг прозы и публицистики и множества публикаций в периодических изданиях. Активный участник международного славянского движения, участник фестивалей «Поющие письмена». Переводил с сербского, болгарского, чешского, польского и английского. Твердый сторонник традиционного русского реализма.

ВЕРЮЮ

Н.Б.

Пускай зима, снега, морозы,
На озере — метровый лед,
Звучат печальные прогнозы
Да иностранные угрозы,
Но — Китеж все-таки всплывет.

Нам слали столько похоронок
За все прошедшие века!
Писали — при смерти ребенок,
А слой озоновый так тонок!
Гуд бай, Россия. Все. Пока.

Нам запрещали то и это,
Учили по-чужому жить,
Давали ложные советы,
Ссылаясь на «авторитеты»:
Нет, нет, не сможет Китеж всплыть.

Из-за границы привозили
Паскуднейших профессоров,
И те нам головы дурили,
Мол, миф о Китеже сложили
Агенты вражеских штабов.

Нам географию меняли,
За бред платили гонорар,
Пожар бензином заливали,
Из книг страницы вырывали,
Где было слово Светлояр.

Нам говорили: «Глуповатый
И простоватый вы народ.
Для вас все кончено, ребята,
Прошли вы точку невозврата».
Но... Китеж все-таки всплывет!

А.П.

Утекают из памяти Висла, Иртыш и Гудзон,
И почти что без рек остается моя голова.
Все забыл, всех забыл, даже Волгу и Дон,
Протекая сквозь сердце, осталась одна лишь Нева.
Широка, холодна и красива — ну боже ты мой!
Я теперь переплыть ее — нет, не смогу, не смогу.
Я за счастье сочту лишь увидеть платок голубой,
Твой платок голубой на далеком на том берегу.

Иван БЕЛОКРЫЛОВ

Поэт, переводчик, публицист, прозаик. Родился 1963 году в поселке Новый Акатуй Читинской области. Член Союза переводчиков России, Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Художественный руководитель международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» и «Степная лира». Ведущий литературной гостиной «На перекрестке миров» при клубе писателей Центрального дома литераторов.

Опять вступаю в препирания,
Втыкаю шпажку в канапе:
Нужны ли знаки препинания
На поэтической тропе?
Пиши, как слышится, как видится,
С оркестром мыслей в унисон! —
На речь прямую не обидятся
И без кавычек с двух сторон.
Все запятые, многоточия,
Знак вопросительный, тире,
Мешают пылу лихострочия:
Пора им всем сказать: харе!
Вот смайлика тупая рожица
Прекрасно отразит печаль.
Когда вот-вот шедевра сложится,
Какой тут к черту Розенталь!

В старой книге с антресоли
Алый цвет царил один...
Был бы выбор у Ассоль
Из десятка бригантин?
Представляешь, в гавань утром,
Предрассветною порой,
Отливая перламутром,
Кораблей вplyвает строй.
В их изгибах лебединых
Девичьи мечты парят,
Паруса на мачтах длинных
Всеми красками горят!
И на самой дикой круче
Девушка стоит, вольна.
Только выбрать то, что лучше,
Сможет ли тогда она?
Ну понятно, видишь черный —
Цвет пиратский, смерти знак.
Этот выбор просто вздорный,
Не принять его никак.
Фиолетовые флаги
Оценить тогда изволь!
Цвет расчета и отваги
Выбрала б, скажи, Ассоль?
Ну а если парус синий,
Отливающий в лазурь,
Открыватель Абиссиний,
Покоритель южных бурь?
Ну а если б изумрудным
Зеленели паруса,
Был бы выбор столь же трудным,
Как с расцветкой в небеса?
Ты, смеясь, кричишь мне: «Ах, ты,
Взгляд неверный и больной!
На картине просто яхты,
Бригантины — ни одной!
Но и здесь средь волн усталых
Видишь там прощальный взмах?
Уплыла Ассоль на алых
Самых верных парусах!»

ЛЮДИ И ПТИЦЫ

Все люди чуть-чуть похожи на птиц,
 Куда только ты ни глянь.
 Вот ребяташки, как стайка синиц,
 Щебечут в самую рань.
 Влюбленные строят свое гнездо,
 Семейный теплый уют:
 Они как ткачики — от и до —
 И так же песни поют.
 В подъезде нежно пропела дрель,
 Отбойник прокашлял зло.
 Не так ли в лесу свистит свиристель,
 А дятел долбит дупло?
 Сычом проухал сосед-отец
 Над ревом десятка ртов,
 Но каждый день, как лихой скворец,
 Он всех накормить готов!
 Ты петя не любишь? Что ж дело твое,
 А также — право и власть.
 Но если ты слушаешь воронье,
 Иди и покаркай всласть!
 Не нужно старательно морщить лоб,
 Чтоб сходство познать сполна.
 Хоть в мире птиц не бывает трущоб,
 Зато бывает война.
 У них ведь тоже — и в пух и в прах,
 И перья — не на продых!
 Но мы воюем порой не за страх,
 А чтобы унижить других..
 Когда под стрехой пернатая плоть
 Чирикая, славит мир,
 Пусть те же песни услышит Господь
 Из бездны наших квартир!

Ирине Мадриге

Интересного в мире немало..
 Рисовала себе, малевала,
 И не думала даже скрывать
 Ни печали своей, ни улыбки,
 Ежедневной боязни ошибки —
 Мир с изнанки не так показать..

А ведь все постигается просто:
 Даже там, где ты малого роста,
 Раскрывается взор на лету.
 И покуда страдает художник,
 Глянь, как роза, расцвел подорожник —
 Естество перешло в красоту!

КАМЕННЫЕ РЫБЫ УРАРТУ

Это не просто глыбы
 Камня-известняка,
 Это большие рыбы
 Здесь легли на века.
 Плыли когда-то в море
 Солоно и весело,
 Только случилось горе —
 Море в землю ушло.
 Окаменели рыбы,
 Греют на солнце бока.
 Мы возле них могли бы
 Долго валять дурака,
 Только давно за горы
 Спрятался солнца свет..
 Встретимся с ними скоро —
 Через полтыщи лет!

БАЛЛАДА О БИРЖЕ
БРЕХНИ

Оцепенение стряхни —
 Здесь лают вовсе не собаки:
 Курс политической брехни
 По-прежнему приравнен к *псаки*.

Для этой биржи подкопить
 Стремится Запад ложь любую.
 Здесь можно *шредера* купить
 За *меркель* и одну восьмую.

Кто помнит очень старый прайс,
 Он был еще до курса *псаки*?
 Тогда за *кондолизу райс*
 Давали пять *олбрайтов* каки!

В пробирке *пауэлла* всяк
 Найдет на бирже супервраки:
 Его, *солану* и *ширак*
 И нынче ценят в четверть *псаки*.

Курс *тэтчер* канул не во мрак,
 Он жив. И твердо знаем ведь мы:
 Шахтер английский в десять *псак*
 Всегда оценит память ведьмы.

Вот *клинтон*, он всегда двойной,
 Двойной, как *буш*, за восемь *псаки*.
 В погоне за его ценой
 Не забывайте о *бараке*!

Измазать золото в грязи
И в нефтяном припрятать баке:
О, как ценился *саркози* —
В четыре с половиной *псаки*!

Брехню, оценивая в *мэй*,
У глади тихого Канала,
Ты, как она, еще сумей —
Аж на две *псаки* наблевала!

Игиловец направит птурс
Не в танк жилой, а в дом в Ираке..
Так это ж гитлеровский курс —
Четыре *геббельса* за *псаки*!

А брокер прячется во тьме.
Нас будто ослепляет лампа...
Но можно сосчитать в уме —
Восьмушка *ротшильда* за *трампа*!

Переводы с русинского

Сергей ТУДОВШИ

ЛЕТО

Поток воды дробится на камнях,
С акаций цвет летит как снежный смех,
И сплел паук себе гамак в раменье,
Где спрятался в коробочку орех.

Как сладких ягод запахи духмяны!
Цвиринькает сверчок в своей норе.
Пробилось солнце к хатам сквозь туманы,
И смех течет к вершинам по горе.

В цветах слышна пчелиная работа,
А ветер гонит облака с гряды,
И песни новые плывут за нотой нота
В благого лета дивные ряды.

И сердцу радость, и душе отрада,
По райским нотам вокруг поет земля!
Тебе, дружище, знать одно лишь надо,
Что лето красное увидел нынче я!

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Прихворнул, не поехал на дачу,
В переводы ушел с головой
И поймал, понимаешь, удачу —
Глаз павлиний над сонной травой!
Взор туманился, плакали очи,
Заливало, штормило Москву.
У стихов ни утра нет, ни ночи,
Как бы их разглядеть наяву?
Но русинское лето жужжало,
Кто-то в Кошице плел облака,
Чтобы строк беспощадное жало
Поразило вдруг наверняка.
Вот сонеты на сербском: красивы,
Словно их написала рука.
Важно выяснить, что значит Пива.
Это город, а может, река?
Выверять до последнего грана,
До штриха — выражения лиц.
Я еще не видал Намангана,
Чтоб признать объективность границ!
Дар из Минска сестрицы по крови
Из дружин поэтических пчел:
Я себя вдруг услышал на мове.
А потом на узбекском прочел!
Это долг толмача, не работа:
Ни копейки, ни цента в карман.
Тут бухгалтер не спит отчета
И спасует, увы, Перельман.
Кто стихи перепробовал на зуб
И проверил, конечно, на слух,
Тот делячество выбросит сразу,
Чтоб не портить божественный дух.
На рассвете ль, в эпоху ль упадка
Важен мост, что покрепче веков.
...Тот, кто пробовал, знает, как сладко
Выплывать из других языков!

Дарья ВАЩЕНКО
(Анисимова)

Родилась в 1982 г. в г. Химки Московской области. В 2003 г. окончила славянское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Автор многочисленных поэтических переводов со словацкого и венгерского языков.

Обреченность какая-то есть
в искривленном каркасе балкона,
выходи и под шум внеоконный
позабитые реплики взвесь,

и фальшивых высот бирюза
переместится в плоскость иную,
так, тревожное разыменуя,
наконец ты разуешь глаза,

и когда успокоится взвесь,
все окажется равновелико,
ты прошла эти годы без крика,
отчего, понимаешь лишь здесь.

У меня стальные нервы,
У меня вставные зубы,
Снизойди сегодня первым,
Бог Парнаса и Ютуба.

Я прогоркла (это пиво)
И взлетела (это ветер),
Как несложно быть счастливым,
Если мало что и светит.

Лунный свет игрив и нежен,
Я тону в его капканах.
Осень. Выбор неизбежен.
Тлеют листья на Балканах.

Он спросил меня, как же ты
променяла шиши
на дешевые гаджеты
для спасенья души

он с напором, да где бы ты,
если б радуга не
только глупые дебеты
при нависшей луне

он раскатом, да где же ты,
не расслышав ответ,
он ворвется со скрежетом
и обрубит мне свет.

Хватит наконец уже решаться,
наконец пора уже решиться,
все задачи могут отрешаться,
если вдруг решится отрешиться

от зыбучих дней, от ветра в поле,
от хлорида натрия на раны,
от свободы бесконечной воли
волн, ползущих по меридиану

отобрать у вечности валюту,
отодрать ковер от вертикали
полной грудью целую минуту
я решушь когда-нибудь едва ли.

Алексей ВИТАКОВ

Родился в 1966 году в Коми АССР — русский поэт, прозаик, автор-исполнитель песен. Автор множества публикаций в российских периодических изданиях. Автор восьми поэтических книг. Лауреат Литературной премии журнала «Москва». Лауреат Международного фестиваля «Поющие письма». Организатор и художественный руководитель нескольких известных всероссийских и международных фестивалей бардовской песни. Тексты его песен записаны на десятки дисков, которые разошлись огромными тиражами. Ведущий нескольких популярных всероссийских телепрограмм. Член Союза писателей России. Живет и работает в Москве.

Бесконечная стужа. Похмельная дрожь.
Тлеет лампа в подъезде окурком.
Он совсем не горбат, этот высохший бомж,
Просто он носит крылья под курткой.
Ржавый мусорный бак. Наклонился. Приник.
Шарит палкой то бегло, то круто.
Замирает, наткнувшись на твой черновик.
Усмехается длинно чему-то.

Вяло тянется время. Ты смотришь на твердь
Из окна и сминаешь страницы.
Он приходит, когда начинает темнеть,
Как пугливая старая птица.
Но однажды ты рюмку уронишь в ночи,
И из мрака, из жути бездомной
Бомж горячкою белой в твой дом постучит,
Крылья белые будут огромны.
И, хоть выколи душу, вокруг ничего:
Ни друзей, ни врагов, ни каналы.
Только инеем сизым на крыльях его
Блеск твоей заблудившейся славы.
Ни развилки из трех неизбежных дорог.
Камня тоже. Коль так, и не надо!
Вы пойдете по воздуху, прах с ваших ног
Будет снегом немислимимым падать.

Глухая ночь пасется за окном.
Овечьих звезд седая вереница.
И все идет куда-то старый дом,
Скрипя то чердаком, то половицей.

Идет за лес, за дол, за поворот;
За Словом, за своей нелепой тенью.
Пока темно, он Землю обойдет.
И явится — засыпанный сиренью.

Горацио, много на свете всего.
Вот бар, вот знакомая сцена.
Но все это пшик. В этом нет ничего,
Пока нет на сцене блюзмена.

Он выйдет так, будто с тобою знаком.
И — пальцы за миг до полета.
Ты тоже прищелкнешь тогда языком.
И скажешь: Ручная работа!

Ему нелегко, он считает гроши.
Но музыка льется по венам.
Снимать заусеницы с чьей-то души —
Такая работа блюзмена.

Сквозь мрак ледяной, в зафанеренной тьме
Он тянет щемящую ноту,
Горит светлячком на вермонтском холме
И славит Ручную работу.

Хвостатая ночь, даже черт ей не брат.
Но пальцы на струнах не верят.
И ад забывает о том, что он Ад.
И что он любить не умеет.

Блюзмен-неудачник, бродяга, старик,
Жизнь пройдена кровью и потом.
Когда-нибудь станет звездой твой крик.
А звезды — Ручная работа.

Спой песню о рыбе. Как рыба поет.
Как темень встает стеной.
Как против течения бессмертье идет
С чешуйчатой белой спиной.

Как лаяли волны, чернела вода,
Трещала по швам ладья.
Как головы нам покрывала тогда
Сверкающая чешуя.

За покерный стол приглашала нас смерть,
Слюнявя колоду карт.
Но мы на бессмертье ставили сеть,
И ставка была высока.

И шторм уносил нас от берега прочь,
Раскрыв объятья свои.
Но шила одежды нам звездная ночь
Из белой своей чешуи.

Улов трепыхался и бился в сетях
Упругим хвостом строки.
Но главное — утром был с берега взмах
Приветливой женской руки.

Куда бы ни мчался с героями я,
Каких бы ни чаял грез,
Я знаю, кто в тысячный раз за меня
Попросит у моря и звезд.

Мой маленький сын говорил: «Я знаю,
Ни с кем не играют цветы.
В обед дядя Бог сидит и скучает.
Но, правда, не курит, как ты.

А ночью он вниз головой летает,
Такой — весь похожий на дым;
И в окна глядит, и с нами играет,
Пока мы на воздухе спим.

Еще темноты я боюсь немного.
Ты будешь со мной навсегда?
Смотри-ка, в небе какая у Бога
Малиновая борода».

Андрей ГАЛАМАГА

Родился в 1958 году в Воркуте, школу окончил в Киеве. С 17 лет живет в Москве. Окончил Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихотворений, пьес, киносценариев. Дважды (2007, 2012) лауреат Международного фестиваля «Пушкин в Британии». Лауреат фестиваля «Русские мифы» в Черногории. Обладатель Гран-при 1-го литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» в г. Саки, Крым (2015). Победитель Международного литературного конкурса произведений о Москве «На семи холмах». Лауреат Международного фестиваля «Степная лира» в ст. Новопокровской (Краснодарский край), лауреат Международного фестиваля «Генуэзский маяк» (Италия).

ТИШИНА

Дождь неуклюже накрапывает,
Воздух пронзительно тих;
Редкое небо проглядывает
Меж облаков кучевых.

Роща скромна, словно девственница,
Галок и тех не слышать;
Молча березы советуются,
Как бы им день скоротать.

За ежевичною изгородью
К шелковой ели прильну.
Лишнего слова не выговорю,
Чтоб не спугнуть тишину.

Русь-недотрога — награда моя,
Вдруг невзначай в тишине
Тайна твоя неразгаданная
Чуть приоткроется мне.

ВЕТЕР

Зябкая поземка змейкой юркой
Вьется так, что спрятаться нельзя.
В крохотном Каретном переулке
Суматошный снег слепит глаза.

Вышедшие из дому некстати —
Задирают вверх воротники;
Школьницы, спешащие с занятий,
Наглухо укутаны в платки.

Будто бы неслышанная сила
Светопреставлению виной;
Кажется, всю землю застелило
Плотной полотняной пеленой.

Но чуть-чуть ладонью заслониться,
Бросить взгляд в полуденную высь,
Сквозь заиндевевшие ресницы —
Солнца луч откуда ни возьмись.

И, не веря своему везенью,
Молча, очарованный стоишь, —
Не пурга похоронила землю,
Просто ветер снег сдувает с крыш.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В известном городе большом
Совсем недавним прошлым
Между соседями тишком
Жил человек хороший.

Не худощавый, не толстяк,
Не грешник, не святоша,
Неторопливо, просто так
Жил человек хороший.

Ни разу не был уличен
Ни в пьянке, ни в дебоше;
И все сошлись на том, что он
Был человек хороший.

Он не читал ученых книг,
Решив — себе дороже;
Пусть он успехов не достиг,
Но человек хороший.

Ему талантов не дал Бог,
Благих желаний тоже;
Пусть никому он не помог,
Но человек хороший.

О нем весь двор судил-рядил,
Но порешили проще:
Раз никому не навредил,
То человек — хороший.

Однажды он глаза смежил,
Все вкратце подытожил
И умер, словно и не жил,
Тот человек хороший.

Твердили на похоронах,
Что он не вынес ноши
И вот безвременно зачах,
А человек — хороший.

С тех пор, друзьями позабыт,
Знакомыми заброшен,
На дальнем кладбище лежит
Тот человек хороший.

Жизнь заново не проживешь,
Не переменишь кожи.
И не поймешь — а был хорош
Тот человек хороший?

АКТЕР

Михаилу Пярну

Мы — что таить там — иных честнее,
Хоть бы пенял нам весь белый свет.
Да, мы актеры, мы лицедеи,
Но лицемеров меж нами нет.

Нам страх известен, как ни божись мы;
Но просим просто поверить впредь —
Тому, кто прожил за жизнь сто жизней,
В одной не страшно и умереть.

Тот копит деньги, тот жаждет славы, —
Им пораженья не пережить.
А кто рожденье на кон поставил,
Тот сделал ставку, чтоб победить.

И на подмостках, ничем не скован,
Без ложных пауз, чтобы успеть,
Актер из сердца исторгнет слово
Дороже жизни, сильнее, чем смерть.

Пускай себе он не знает цену,
Не помышляет о похвале,
Когда ступает актер на сцену,
Смолкают пушки по всей земле.

Спешить — и не достигнуть цели,
Сражаться — и не победить.
Жить — на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить — до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься — с безрассудством веры,
Так — словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесет,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за все.

Александр ГЕРАСИМОВ

Поэт, переводчик. Родился в Подольске в 1978 г. Окончил МГТУ им. Н.Э. Баумана и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор сборников стихов «Стиходрамы» (Москва), «Сейчас и здесь» (Белград), «Буквенное просо» (Тверь), ряда коллективных поэтических книг, а также литературоведческих статей в периодической печати. Член редколлегии билингвальной поэтической серии книг «Из века в век. Славянская поэзия XX—XXI веков». Лауреат поэтических премий «Начало» имени Риммы Казаковой, «Поющие письма». Член Союза писателей Москвы.

Дочке-первокласснице

Первый звонок... И первый урок...
Запомни себя в этот день!
В жизни так много будет дорог,
Что выбирать — лень.
Верная, только твоя — одна.
Нехоженная гурьбой.
Даже когда и видна едва,
Она все равно с тобой.
Смело иди, не кривя. Дерзай!
Если упала — встань.
И по чужой колее не срезай
Жизни своей ткань.

Взрослая стала... Станешь еще
Взрослее, красивей, умней.
Не забывай про родное плечо
В мире идей и людей...
Если же вдруг через много лет
Погаснет маяк во мгле,
Вспомни сегодняшний мой совет:
Вернись от себя к себе...
Синее платье. И школьный двор.
Светлая голова.
Ты первоклассница. Наперекор
Трудные учишь слова.
Ранец с тетрадками. В букваре —
Все еще впереди...
Новый сентябрь на календаре...
Вспомнила? Так иди!
Туда, где снова звенит звонок.
Первый! Чуть-чуть вразлад.
Туда, где первый идет урок.
И нет никаких преград!

Станция Свирь пахнет копченой рыбой...
Роберт и Миша носят ее к поездам.
«Тыща за две», — давятся оба лыбой.
«Свежая. Забирай! Или другим продам»...

Сиг и форель... А во главе парада —
Угорь-красавец, чтоб разгонять тоску.
Рыбы молчат (бронзовые, как надо).
Знают, похоже, что повезу в Москву?!

А проводница — как часовой — у подножки,
Пережидая локомотивный размен,
Вдруг говорит: «Взяли б еще морошки...
Не пожалеете, правда! Ну... чтобы полный дзен...»

Не обманула: если жевать ледяную
(Пушкин, похоже, все-таки понимал)
С чаем да в подстаканнике... То и пулю
Легче терпеть, будто и не финал...

Вот и март наступил. Перечеркнут февраль.
И бояться как будто нечего...
Можно не замечать отрывной календарь.
Он не вызов для широкоплечего.

Но задумчивым стал. Осторожным, как... барс.
Не сказал бы, что это планомерно...
Ведь спускаюсь в метро, и Джулиан Барнс
Открывается мною заново.

Впрочем, может, как прежде: ля-ля, тру-ля-ля?!
Игнорируя, игнорируя...
Ну не выход же: прыгать теперь с корабля!
Жить нельзя, себя пародируя.

А случайный знакомый мне руку пожал
И сказал, картавя-грассируя:
«Это просто обгатный отсчет побежал...
Дальше можно только лавигуя!»

Не умею пока. Никогда не умел!
Тут бы грустный поставить смайлик бы...
Только март наступил! А февраль не у дел!
И для Барнса найти бы алиби...

И Васька, серый кот, ушел в свои потемки...
Домашнему, ему, мышей ловить не надь...
А если смерти нет, пусть отварной печенки
Ему и там, как здесь, не будет не хватать.
Я притащил его — давно, до новой эры —
С обглоданным хвостом (морозным декабрем),
Не принявшим еще дворовые манеры.
Да вот к чему теперь?! К тому же все умрем.
Но... все-таки... любил... Пусть мог чесать
за ухом
Почаще... И вообще... Не человек же... Кот...
Пусть чернозем ему покажется лишь пухом...
Мурлыканье его запомню не на год.
Запомню, как он пах подъездной едой.
Как был он неуклюж и как потом подрос.
Как независим был! Царапался порою.
И как умел урчать, и в руку тыкать нос.

Из сербской поэзии

Антун Гледжевич (1656—1728)

О ТОМ, ЧТО ВРЕМЯ ВСЕ ОДОЛЕВАЕТ

Троя — высилась громада!..
Вместо стен теперь равнина:
ходит блеющее стадо,
пахарь плугом режет глину.
А ведь ты была великой...
Города твои жалею.
Склон затянут ежевикой,
гнезда ящериц под нею.
Пал и Рим... Лежит, повержен.
Лижет камни луч заката.
А ведь был почти безбрежен
под сандалями солдата.
Где постройки Карфагена?
Город — центр притяженья —
был объят огнем геены;
умер в позе униженья.
А Египет? Что с ним ныне?
Убедитесь в этом сами:
лишь следы былой твердыни
между жадными песками.
Где Нино и где тот город,
что ее судьбой прославлен?
Имя есть, но город — смолот;
в жерновах веков раздавлен.
Все земные величины
в пыль истерлись, отзвучали.
По одной простой причине —
цель имели лишь вначале.
Годы-воды трут граниты,
ржой вгрызаются в металлы,
морщат груди, лбы, ланиты,
плоть едят, как каннибалы.
Время серп ко всем приставит;
подравняет, как умеет:
золото жестяной станет,
русый волос поседеет...
Под луной ничто не вечно:
старое и молодое —
стигнут все, и скоротечно,
не поняв житейское...
Все земное — суть едина —
станет глиной, уж поверьте.
Человек — он тоже глина —
прахом будет после смерти.

Антун Сасин (1518–1595)

МАСЛЕНИЧНАЯ ПЕСНЯ НИЩЕГО

Красавица, глянь! Христа ради, убог я...
Голодному, дай мне хоть хлеба немного!
Во двор твой пришел и хочу, чтоб все знали:
я — здесь! Но меня ты заметишь едва ли...

Бог душу спасет и от мук, и от трепки!
Ты только налей мне немного похлебки...
Быть может, в горшочке, у самого донца
остался супец для меня, незнакомца?!

Храни тебя Боже! Сейчас! И для рая!
Знай это, от жажды и глада спасая.
А если ты мне не поможешь, пророчу,
что дух испущу я к сегодняшней ночи.

Четвертые сутки иду по тропинке...
Иду, не вкусив ни воды, ни травинки...
Хребет мой, как стебель, иссохший на поле,
сломается скоро без хлеба и соли.

Я шел... И стучал безнадежно в ворота,
отчаявшись выжить, прося хоть чего-то.
Никто не открыл! Не случилась удача...
Скулил без еды... Вот и смерть мне — собачья...

Подай, умоляю! Хоть взгляда не стою...
За-ради венца над твоею косою!
Не жемчуг прошу! Пустяковое дело:
подай, чтобы тело не околело!

Рубины к чему, коль на улице зябко?!
Нужней хоть какая-то теплая тряпка!
Замой-то недолго в сугробе остаться.
Чтоб выжить, мне надо ходить побираться...

Навряд ли ты сможешь взять денег у мамки,
чтоб мне прикупить на базаре опанки.
А пятки до крови снегами измяты,
и выпали ногти от стужки проклятой.

Мне все опостыдело. Жить уже тошно!
До самой кости занозилась подошва...
И хуже того приключилось увечье
(несчастье давно обнимает за плечи):

Я с горной тропы оступися в поземку...
Сломал два ребра и отбил селезенку...

Игнат Джурджевич (1675–1737)

СЧАСТЛИВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Говорят давно, что если
в небе нет Творца на троне,
петь молитвенные песни
нужно времени, в поклоне;
ведь исток любой удачи —
убегающее время.
Лишь оно — никак иначе —
окормляет наше племя.
У меня свое сужденье:
не оно венец свободы;
с ним приходят пораженья,
и печали, и невзгоды!
Воля случая — богиня! —
ты — обильная бескрайность.
Кто надежды берегиня?
Лишь счастливая случайность!
Случай славный, случай светлый,
честь моя, заря-отрада,
путь — опять с попутным ветром —
луч влюбленным и услада.
Ты — врата и страж-хранитель
при дворе у королевы;
Ты — звезда-путеводитель;
в море страсти — бухта веры.
Ах! Ты явишься — живая! —
к каждому, кто счастьем мечен;
к тем, кто терпит, ожидая,
чтоб обнять тебя при встрече.
Ах! Я ждал твоих касаний
столько раз, идя по краю...
Чтоб спастись от угасанья,
чтобы ад сменился раем.
Ах! Когда я шел, страдая,
ты средь стражей возникала.
Ты, красotka молодая,
сладко в губы целовала.
Эй, влюбленные! Ну где вы?
Где дары и ваши оды?
Коронуйте эту деву,
дайте ей веноч свободы!
В век разрухи и узилищ
лишь случайность помогает.
Пусть из тысячи святилищ
к ней священный дым взлетает.
Крепость вам она подарит,
чтоб любви сполна напиться —
то, что многими трудами
не снискать и не добиться.
В ней — услад котел кипучий;
так глотай для пользы дела.
Если выпадает случай,
тут же пользуйся им смело!

Сергей ГЛОВЮК

Поэт, переводчик. Родился в 1958 году в Дрездене (ГДР). Окончил Литературный институт им М. Горького в Москве. Автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Первая книга стихов — «Глоток» (Москва, 1991), вторая книга — «Точка возврата» (Москва, 1997), третья книга — «Старая монета» (Москва, 2008). Стихи переведены на многие европейские языки. В 1997 г. в Македонии вышла его книга под названием «Угли» в переводе Гане Тодоровского, в 2002 г. книга «Точка возврата» вышла в Румынии, в 2005 г. издана его книга стихов в Сербии под названием «Сквозные кварталы» в переводе Златы Коич, в 2008 г. вышла книга избранных стихов в Хорватии в переводе Фикрета Цацана, в 2009 г. — книга избранных стихов в Македонии в переводе Гане Тодоровского, в 2010 г. в Сербии в переводе Веры Хорват. В 2012 г. в Польше вышла книга «Старая монета» в переводе Александра Навроцкого. Сергей Гловюк переводит ведущих поэтов Македонии, Сербии, Словакии, Словении, Хорватии, Черногории, Чехии. В 1997 г. за переводы с македонского языка был награжден премией Союза писателей Македонии «Златно перо», в 2002 г. в Румынии — высшей премией Международной академии «Ориент-Оксидент»; в 2003 г. стал лауреатом премии Союза писателей Сербии «Моравская грамота». В 2010 году его «Антология белорусской поэзии» серии «Из века в век» объявлена в России книгой года. Лауреат Большой литературной премии России за 2010 год. В последние годы Сергей Гловюк является инициатором и автором-составителем серии антологий «Славянская поэзия XX—XXI. Из века в век». В этой двуязычной серии вышло девять томов македонской, сербской, белорусской, украинской, болгарской, чешской, словацкой, хорватской, словенской поэзии. Этот свод антологий показывает богатство современной поэзии близких народов с небывалой ранее основательностью и полнотой. Художественный руководитель фестиваля «Поющие письмена». Почетный член союзов писателей Македонии, Сербии, Черногории. Живет и работает в Москве.

Эту жизнь, что на жизнь не похожа,
Вижу я на экране — в кино.
Вот какой-то бродяга прохожий
Загляделся в пустое окно.
Будто что-то за вздернутой шторой
Показалось знакомым ему,
Вот и мне на экране просторном
Что-то видится, что — не пойму!
Все казалось таким очевидным,
И понятным, и ясным вполне,
Что же все-таки он там увидел,
В непрозрачном, немывтом окне?
Затишают пустые бульвары,
Затишают потоки машин.
Исчезают мосты, тротуары,
Свет струится с небесных вершин.
Лишь коснется он зеркала окон,
Перед ним расступается тьма.
Все же в мире не так одиноко,
Даже если пустуют дома.

Пред тобой, как бескрайним
раздольем,
я стою, и туман по стерне.
Лишь пройти по тебе удостоен,
но и это достойно вполне.

Перед глинистой и черноземной,
задремавшей в полях и лесах,
величавой, разгульной и стремной
козни все рассыпаются в прах.

Сколько тягот тебе напророчили,
сколько лиха и горьких скорбей..
С хитрецою платок оторочили,
И надвинули аж до бровей.

То завоют, то взвизгнут, то спрячутся
за высоким скалистым бугром.
То повыскачат и раскорячатся
с крючковатым и острым багром.

И сама ты с лихвой куролесила,
спотыкалась почти на краю.
Горделивых пускала на мезиво,
проторяя дорогу свою.

Ничего для себя не желаю,
И бреду по осенней стерне.
Снова ворон над полем летает,
И о чем-то кричит в вышине.

У жизни есть события, даты, сроки
Для радостей иль горестей и бед.
Она нам любит задавать уроки
И заставляет поискать ответ.
И, походив по замкнутому кругу,
Окидывая взором прошлый путь,
Одну запомни главную науку!
Хоть кто-то есть, чтоб руку протянуть?!

В летящее детство хоть раз бы вернуться.
И в солнце и травы опять окунуться.
Увидеть закат и огромные звезды,
Вдохнуть тот дурманящий будущим воздух.
И вновь завертеться в шальной круговерти,
Когда ты и слышать не слышал о смерти.
А жизнь, как стихия, легка и раздольна,
И все было в радость, и не было больно.
И не было грустно, в груди не щемило,
И не было пусто, и вьюга не выла.
Хоть раз, на секунду, на миг, на... не знаю.
Я с этою мыслью опять засыпаю
И думаю: стоит ли снова проснуться?
Тут вряд ли удастся до детства коснуться.

Стремительная, резкая, живая,
Ты рана моя нежно-ножевая..
Я в Интернете твой открыл портрет —
Была в июле, и простыл твой след.
Зачем хожу?! Я до конца не знаю!
Я к краю подхожу и отступаю.
Но знаю: на семь бед один ответ,
И только рог, как рыба, открываю —
Мне без тебя нигде дороги нет,
И как дышать, я без тебя не знаю,
Лишь воздух ртом отчаянно глотаю.
А ты забыла мне открыть секрет.

Судьба закружила рулеткой
с зеленым махровым сукном.
И мне подмигнула с усмешкой
за общим игральным столом.

Рискованный, хваткий и ловкий,
Я, словно азартный гусар,
Распорядился находкой,
Поставил на кон ее дар.

А голос заплечный, утробный,
толкая под локоть, гласил:
Еще раз, еще раз попробуй,
до жизни пустынной, заgrabной
и времени мало, и сил.

Рукою, как тварью дрожащей,
я фишки сжимаю в горсти
И ставлю все чаще и чаще.
Судьба! Если можешь — прости...

Елена ИВАНОВА-ВЕРХОВСКАЯ

Поэт, переводчик. Член Союза писателей России, Международной ассоциации русскоязычных писателей, член Российского ПЕН-центра. Автор многочисленных публикаций в российской и зарубежной прессе. Стихи вошли в антологию «Русская поэзия. XX век», переведены на болгарский, сербский, английский, испанский, грузинский, идиш, польский и чешский языки. Автор книг стихов: «Есенен човек» (София, Болгария, 2010), «Другая память» (Москва, 2013). Лауреат премии им. А.А. Ахматовой и премии Болгарского национального радио, Первой премии Международного фестиваля поэзии в Румынии, 2012 г. Участник международных фестивалей поэзии в Грузии, Сербии, Болгарии, России, Израиле, Румынии.

Уехал. На зимней резине.
А осень еще в середине
Еще в ожидании снега,
Уехал, как будто и не был.
И стало все вдруг на измене,
Калитка, котел и сирени,
Упавшие листьями в грязь.
За что бы теперь ни взялась.
Мигают тревожные лампы,
Теряются нужные вещи,
И дождь, что с утра только капал,
Теперь разошелся и хлещет.
Плыву по колена в тумане,
Как будто ансамбль «Березка»,
Но поздно, никто не заглянет,
Никто не расскажет, что поздно,
Предлог отличить от причины,
Теперь уже вряд ли мне светит,
Как след этой зимней резины
От летней...

ГОРОД

«Холодок бежит за ворот»...
Так привычно и тревожно,
Осторожно, всюду город,
Осторожно, осторожно...
Здесь, где все пересекаются,
Наяву, без всяких глянцев,
Надо в это как-то встраиваться
И с собой определяться.
На троллейбусной подножке,
Приложившись к турникету,
Сядешь сразу у окошка,
Незаметно, незаметно,
Мимо МУРа-людоеда,

Где бульвар Страстной и бледный,
Я уеду, я уеду,
Чтобы было ближе к лету,
Существовая очень точно,
Чтоб ничем себя не выдать,
Помня — надписи просрочены,
Там, где не всегда есть выход.
Бесконечность в настоящем,
Остальное все условно,
Город просто черный ящик,
До конца не расшифрованный.

Переулки, переулочки,
В них гуляется легко
От угла до бывшей булочной,
Ну а дальше под уклон..
Здесь в карминной канители
В полночь хлопает подъезд,
Если вы любви хотели,
Вот сама любовь и есть,
Вся такая-растакая,
На высоких каблуках,
Пахнет ландышем и маем
И качается слегка,
С сигареткой заграничной,
То ли курит, то ли ждет,
И в мобильник пальцем тычет,
И никак не попадет...
Ей доступны абоненты,
Подхватила, повела...
Просто с ней не надо света,
Просто ночь, и все дела...
Дешевеет звездный бисер,
Не меняется одно —
Нежность тополиных листьев,
Одуванчиков вино....

Человек идет, идет...
 И нет-нет, да и убьет
 Птицу, бабочку, собаку...
 Мало ли кто тут, однако,
 Крутится, идти мешает,
 Он не знает.
 А потом живет, живет
 И нет-нет, да и умрет.
 Так бывает, жил и умер...
 Ну и что же в общей сумме,
 В общей сумме всех смертей,
 Больше никаких идей?
 День, качнувшись, не уходит,
 Ни одна звезда не всходит,
 Птица смотрит из ветвей,
 Бабочка стремится к ней,
 И глаза собачьи ждуг...
 Больше никого нет тут.

КОТ

(котику по имени Кокос
 и всем остальным)

Любой ночной подобранный кот,
 Прозевавший свое первое лето,
 Обязательно придет и сожрет
 Забытую на кухне котлету.
 В отместку за сытый плен,
 За отсутствие травы и дерева,
 За скудость им же ободранных стен,
 Потому что и у котов тоже нервы.
 За плохую привычку хватать
 Шкурку, старательно вылизанную,
 За этот этаж номер пять,
 С которого хрен куда вылезешь.
 И тогда кот разевает пасть
 И орет, потому что хочется...
 Про то, что не дали тогда пропасть,
 И про общее одиночество.
 Про то, как трудно любить чужих,
 И про то, что луна качается,
 А еще про то, что все-таки жив,
 А это не с каждым случается.

Все, что было мне по силам,
 Оказалось вдруг без сил,
 Август, август, я забыла,
 Что с утра ты говорил...
 Август, август, я искала
 Целый день тебе сказать —
 Спас медовый спас сначала,
 А потом не стал спасать,
 Прошептал: «Напасть какая,
 От самих себя спасись...»
 Август, август, птичьи стаи
 Провожать не торопись.
 Вечер ежиком в тумане
 Окликает, что есть сил...
 Два каштана, там в кармане,
 Прямо в ладонях проросли...

Живешь, как жертва пандемии,
 Как рядовой штрафбата,
 И все, к чему вчера склонили,
 Уже не надо.
 Уже не хочется и помнить,
 И думать даже...
 Кто там взволнованно по комнате?
 Да я же... я же...

Перестали сумерки бледнеть
 И вздыхать протяжно и влюбленно,
 В небесах все яростнее медь...
 Первыми всегда сдавались клены,
 А потом, уже наперебой
 Ненасытная сгребала осень
 Незабудок ливень голубой
 И берез застенчивую просесть.
 Для чего бушует наповал
 Буйное, беспамятное лето?
 Чтобы каждый, кто не умирал,
 Хоть немного вспоминал об этом.
 Чтоб, едва опомнившись с утра,
 Восковые прикурив минуты,
 Отпустить ночного комара...
 И вообще не трогать ничего тут.

Елена ИСАЕВА

Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Поэт и драматург. Лауреат премии «Триумф», премии Союза писателей Москвы «Венец», премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность». За пьесу «Про мою маму и про меня» стала первым лауреатом премии «Действующие лица» (2003), а радиоспектакль по этой пьесе (на «Радио России») стал лауреатом Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза «Приз Европы» в Берлине (2004). Участница фестивалей современной драматургии «Любимовка», «Новая драма», «Документальная драма», а также международных поэтических фестивалей в Болгарии, Румынии, Израиле, Грузии, Литве и др. Составитель антологии болгарской поэзии серии «Из века в век». Автор журналов «Новый мир», «Юность», «Дружба народов», «Современная драматургия», альманахов и коллективных сборников. Стихи и пьесы переведены на английский, немецкий, французский, финский, китайский, арабский, иврит, польский, чешский, болгарский, румынский, армянский, литовский и другие языки. Пьесы идут в театрах России и за рубежом. Автор многих кино- и телесценариев, текстов песен и либретто оперетт. Фильм «Доктор» по ее сценарию признан лучшим в России дебютным художественным фильмом 2012 года.

Здесь «зажигала» Ленка Чистякова:
 Верхом на брусках — кувырок вперед.
 А я иду, и ничего такого —
 Ну только чуть под ложечкой сосет.
 Не плачь, не плачь об этом — все пустое...
 Где жил Калядин — там высотный дом.
 Империя периода застоя —
 Пятиэтажки пушены на слом.
 Где был каток, теперь у них парковка.
 И очевидцев не осталось, нет,
 Как Решмина вырुливала ловко
 Из «Ласточки» в сложнейший «Пистолет»!
 Вот здесь была спортивная площадка,
 И двор наш зачарованно глядел,
 Как мальчики периода упадка
 Переходили в жесткий беспредел.
 Уже сходились не за гаражами
 Играючи друг друга попугать,
 А на серьезных джипах приезжали
 Палатки новорусские сжигать.
 Не плачь об этом времени забытом.
 Есть темы только две — любовь и смерть.
 А «Деревяшку» сделали «Магнитом»,
 А на «стекляшку» не пошла смотреть.
 Мы весь район здесь вместе исходили,
 И ждешь, что повернут из-за угла...
 Разбился Шпренгерт, Райского убили,
 И Людка Дикарева умерла.
 А я иду, и ничего такого,
 И позади, и впереди — века...
 На месте Лелика,
 На месте Кулакова,
 На месте Гусевой,
 На месте Костюка...

Что ты об этом вспомнишь?
 Жгущей крапивы плетью?
 Может быть, это помощь,
 Чтобы не умереть?
 Ох, и крута тропинка!
 Ну и куда ведет?
 В заросли Метерлинка?
 В бунинский «омут вод»?
 В заговоры Шекспира?
 В чеховский летний день?
 Здесь — на задворках мира —
 Душу свою раздень.
 В трепетности растений
 Кроются ли шипы?
 Сколько сочтешь мгновений,
 Краденых у судьбы?..

Солнца счастливый мячик
Над головой его!
Что друг для друга значим? —
Все или ничего?..

Чтобы душу больше не калечить,
Чтобы не отмаливать года,
Проведи со мной последний вечер
Перед расставанием навсегда.
Партия закрыта. Шарик в лузе.
Бесприютно-вольно на душе.
И твое прощальное джакузи
До краев наполнено уже!

За то, что в унисон дышали,
Расплачиваться надо резко:
Пространство ей не разрешает
К нему пробиться эсэмэской.
Она не будет, как подростки,
Гадать на кофе и на воске,
Что там судьба за них решила...
Она стоит на перекрестке
И смотрит на поток машинный...
И от неправильного шага,
От страшной пропасти бездонной
Спасает, как всегда, сермяга —
Вдруг зажигается зеленый!
Она проходит на зеленый...

Нового не надевала,
Не видала разных стран.
Только строчки сериалов
И компьютера экран.

Ничего вокруг не вижу
И не выхожу в народ.
Крем из города Парижа
Неоткрытый целый год!

Я тоску свою зарюю —
Сразу сделаюсь другой,
Я сегодня крем открою
Невозможно дорогой.

Упадет моя заколка
На широкую кровать...
Не могу же я так долго
Ничего не открывать!

Ученице

Грусть-тоска, меня не цапай!
Все тут ясно, ной не ной,
Если милый не в Вацапе,
Значит, милый не со мной!
Заклинаешь со слезами:
Эй, зелененький, свети!
Чем же, чем же милый занят,
Если милый не в Сети?!
Нет страшнее этой муки!
Вот конкретная беда —
Если милый не в Фейсбуке,
Значит, где же он тогда?!
Но зеленый вдруг зажжется!
Чуешь? Пульс вернулся вновь.
Как же нелегко дается
Виртуальная любовь!

Они сливаются в одно:
Не важно — кто там сверху, снизу...
Но кто-то первым все равно
Включить захочет телевизор!
Но кто-то первым отстранит
Другого — типа передышка...
На самом деле — все, финита
Ля... дописанная книжка.

Когда выбираешь дорожки,
Смотри неотрывно вперед!
Наденешь другие сережки,
И жизнь по-другому пойдет.
Волнение это знакомо —
Что если бы там да кабы...
И ты улыбнешься другому,
Меняя рисунок судьбы!

Вот упал человек, обогрившись под ним тротуар.
Он глядит в небеса, подогнув неестественно стопы.
Не за время полета, не за превентивный удар,
Ни за цены на газ, ни за благополучье Европы,
Ни за что, ни за что! Просто он под раздачу попал
В этом месте, где парки свою непослушную пряжу
Завихрили воронкой в жестокий и злой карнавал...
Но, конечно, верхи всех резонансов низам не расскажут.
И лежит человек. Он отсюда теперь далеко.
Днесь он выбыл уже из земного порочного круга
И глядит в облака, где свободно, легко и светло...
Там, где укры и ватники — все обнимают друг друга.

Ирина КОВАЛЕВА

Родилась в станице Новопокровской, окончила Российский государственный медицинский университет и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей Москвы и Клуба писателей ЦДА, руководитель секции художественного перевода Союза переводчиков России, вице-президент Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориоль», почетный член Русского дома искусств имени Степана Эрьзи в Генуе, ведущая литературной гостиной «На перекрестках миров» Клуба писателей ЦДА, президент международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» и «Степная лира», посол мира и доброй воли от города Каманья Моферрато (Италия). Лауреат Большой премии Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук и Гуманитарного фонда им. А.С. Пушкина, а также Первого открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2012), Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» и Русской премии (Прага). Стихи вошли в антологию «Русская поэзия — XX век», антологию «Испанские мотивы в русской поэзии XX века», а также переведены на белорусский, македонский, словацкий, венгерский, английский, итальянский, китайский и узбекский языки. Автор 10 поэтических книг. Переводы с македонского вошли в сборники «Спокойный шаг», «Навстречу солнцу», «Преображения», с болгарского, сербского и хорватского — в соответствующие тома антологии славянской поэзии «Из века в век», переводы с венгерского опубликованы в антологии современной венгерской поэзии.

Ничего под луною не ново,
Это знает любой аксакал.
Проще нет отвыкнуть от земного,
Если ты к нему не привыкал.

Исчезает кофейная пенка,
Изотопы уходят в распад.
У меня удалилась нетленка,
Потому что заглянул айпад.

Шесть затмений сработали в кассу.
Валерьянку водичкой запей!
Нам, не то что рабочему классу,
Есть терять что помимо цепей!

Мы по жизни прошлись на носочках,
О себе посмотрели кино.
Сожалеть о потерянных строчках
В час погибели мира грешно.

Вирус встроиться хочет в аллели,
В клетки лезет с отмычкой, как тать.
Даже если б они уцелели,
Их здесь некому будет читать.

Прежний мир на глазах убывает,
Как парадный расчет на плацу,
Но не вирус нас всех убивает,
А любовь к золотому тельцу.

Воюет с вирусом Британия.
Тверь от гуляющих пуста.
Господь послал нам испытания
В канун Великого поста.

И Тула будто бы сутулится,
И притулиться негде в ней.
Господь от нас очистил улицы.
Ему, конечно же, видней.

Вся городская геометрия
Прозрачна, как кошачий глаз.
Болезней моровых поветрие
Господь не зря наслал на нас.

В преддверье воскресенья Вербного,
За семь страстных до Пасхи дней,
Решил нас не пускать, наверное,
Молиться в храм — Ему видней.

Кто с Ним сейчас вступает в прения,
Тот разрушает благодать.
Господь решил урок смирения
Всему живому преподать.

Взыскав и не найдя раскаянность,
Как пуговицу от пальто,
Он по углам решил расставить нас,
Чтоб мы подумали — за что.

Как Евины глаза ресницами
По образу сорочьих крыл,
Он этот мир обвел границами
И друг от друга нас закрыл.

В машине, самолете, катере
Ни в Рим нельзя нам, ни в Тотьму,
Чтоб дочь, пути не видя к матери,
Взывала напрямик к Нему.

Гроздь сирени, града граммы,
Градусы огня...
Говорят, откроют храмы
С завтрашнего дня.
Каждый зернышком в початках
Станет в храм ходить,
Будут в масках и перчатках
Ладаном кадить.
Будто не бывало мора,
Не было чумы.
Просто Вознесенье скоро,
Исчерпанье тьмы.
Больше негде ей гнездиться,
Свет и там и тут.
Незабудкового ситца
На земле лоскут
Выстригут косилки бритвой —
И конец ему.
А святой своей молитвой
Обрывал чуму.
Бог всегда готов к ответу —
Только попроси,
Но молитвенников нету
Больше на Руси...

Третьяковка вам тут не Твербулово
И не бутовский заградотряд.
При пожаре — призналась Трегулова —
Первым вынесла б «Черный квадрат».

Не «Грачей», не «Христово явление»,
Айвазовского, Репина, Ге,
Ей, как Золушке по объявлению,
Эти туфельки не по ноге.

Не заладились, видно, делишки на
Ниве муз, раз на прочих плевать.
Ты попробуй Серова и Шишкина,
Как Малевича, намалевать.

Иль хотя бы с Саврасовым справиться:
Гнезда, ветки, река позади.
Если правда квадратное нравится,
Клубом шахматным руководи!

Сделай шашки своей синекурою
И таскай из огня по одной,
Но зачем над российской культурою
Издеваться, как над неродной?

Я фея этого сада.
Неправда? Тогда пусть тень я.
И все в нем не так, как надо,
Ввиду его запустенья.

Ты прав, я стара для феи.
Я древняя, как дриада.
Но лилии и шалфеи
Еще не ушли из сада,

Еще не пришел садовник
По душу мою с пилою,
И дважды цветет шиповник,
И лечит от ран алоэ.

Послушай меня, послушай,
Услышь же меня хоть ты-то!
Под этой вот старой грушей
Мои корешки зарыты.

То справа зайдут, то слева.
Прошу тебя, сделай милость,
Не дай корчевать им древо,
В котором я поселилась.

Они тут оставят поле,
И поле то будет диким,
Прощу, не давай им воли
Куражиться над великим.

Они веселы и крепки,
И губы у них не дуры.
Не дай им оставить щепки
От сада нашей культуры.

Любовь не ищет своего,
Не судит, не блажит,
А как огонь из ничего
По фитильку бежит.
Не сердится, не мыслит зла
И не перестает,
А ровный уровень тепла
В любой мороз дает.
И пусть ты праведником был,
Снискал себе почет,
Но если толком не любил,
То это все не в счет.
Пускай умолкнут языки
И знания умрут,
Всем катаклизмам вопреки
Любовь пребудет тут.
Кто кокон для себя прядет,
Тот в грех рискует впасть.
Когда же целое придет,
То прекратится часть.
Не ради славы или рифм,
Не чтоб узлом связать —
Апостол Павел шел в Коринф,
Чтоб о любви сказать,
Что в ней Христовой веры свет,
Надежды луч Его,
Что если нет любви в ответ,
То это ничего...

Он написал — она ответила.
И началась фантазмагория.
Насечкой миокард пометила
Слегка — такая вот история.

Он написал — она откликнулась,
Речь завела о том и этом.
И все, с чем сердце как-то свыкнулось,
Вдруг озарилось новым светом.

А может, первой сообщением
Она отправила по делу,
Как всех печалей отпущением
О том, что мимо пролетело.

И началось вдруг что-то странное
И вроде никому не нужное,
Но для чего-то свыше данное,
Как дождь — сияюще-жемчужное.

Он шел на протяженье месяца,
Лил за декадой декада.
Как опрокинутая лестница,
Висел на влажных ветках сада.

И мокрыми ее ступеньками,
Что опоясали окрестности,
Шли двое (им синицы тенькали)
По направленью к неизвестности.

Окно открыто в сад,
И дуб стоит в саду —
Такой, с которым я
Речь обо всем веду.

Могу любой вопрос
С ним обсудить вдвоем.
Из желудка пророс
Он на веку моем.

В нем птица гнезда вьет,
Уют ветвей цenia,
И он переживет
Когда-нибудь меня.

Окно открыто в гром,
В пионы и сирень.
Дождь поливает дом
Уже который день.

Густую зелень куп,
Чубушника цветки,
У Лукоморья дуб
И этот — у Оки.

И, в общем, все равно,
Что жизнь так коротка,
Когда твое окно
Распахнуто в века...

ЕЖИХА

Ежиха, ежиха, миледи в иголках,
 Что ищешь в малине, сказать не могла б ли?
 Застыли на листьях, как книги на полках,
 Дождем обложным сочиненные капли.

Куда собралась, дикобразья золовка?
 Какого эсквайра в крапиву полезла?
 За куст ее нам от соседей неловко,
 Но это тебе объяснять бесполезно.

Некошены травы, нехожены тропы,
 Не действует больше закон и порядок.
 И дым под замок заключенной Европы,
 Куда нам нельзя, сверхъестественно сладок!

Когда все закончится, скажешь на милость?
 Когда свою дочь наконец обниму я?
 Как жизнь за три месяца вдруг изменилась,
 И ты из себя еще корчишь немую!

Полоска пырея косилкой не сжата,
 И ветер по веткам проходит наскоком.
 Ежиха, ежиха, твой-то ежата
 Не где-то толкутся, а прямо под боком.

И ты за компом до рассвета не пашешь,
 И после стихов о ежихах не пишешь,
 Овсянки поешь и спасибо не скажешь,
 Пофыркаешь только и шумно подышишь.

МАТТИОЛА

Все взросло и будто ходит в школу,
 Ловят мух на брющем стрижи.
 Бальзамин влюбился в маттиолу —
 А в кого еще ему, скажи?

Листья закрутил подобьем клеша,
 Хоть не городской, а из села.
 Бальзамин по имени Алеша,
 А она себя не назвала.

Нежная, капризная гордячка,
 Наплевав на местный автопром,
 Ждет, когда с открытым верхом тачка
 Вдаль умчит на клумбу за бугром.

Ждет того, кто будет всех проворней,
 Кто устроит этот переезд,
 Чтоб вплести кочующие корни
 В карусель блуждающих невест.

Бальзамин, пусты твои обиды,
 Хоть и простота твоя свята.
 Чтоб разнообразней были виды —
 Этим маттиола занята.

До всего, что необычно, падки
 И со всем обыденным на «вы»,
 Маттиолы жаждут пересадки.
 Бальзамины же не таковы!

Не готовы к странствий перемолу,
 Жить, судьбу по-новому кроя.
 ...Я одну такую маттиолу
 Отпустила в дальние края.

Садиться в чужие не следует сани,
 Поэтому в Питер мы едем в «Сапсане».
 А в Осаку ездили на синкансэнэ:
 Не дома сидеть же собакой на сене!
 Мы столько объездили, столько видали,
 В такие посмели вбуравиться дали,
 Что Бог наложил на нас крест изоляций
 И, где ни возьмись, запретил появляться.
 Но сердце стучит, как колеса по шпалам,
 И жить не желает, довольствуясь малым,
 И строит маршрута пунктирную строчку
 Туда, где увижу я зятя и дочку,
 И рвется, трепещет подобьем синицы:
 Когда же, когда же откроют границы?
 Когда запакуют в архива папирус
 Смертельно опасный разлуками вирус?
 Когда пригвоздит его к месту струбуцина,
 Пальнет по паршивцу из пушки вакцина,
 И может вообще в результате удара
 Внезапно прерваться небесная кара?
 Мы так безоглядно и яростно жили,
 Такой небоскреб вавилонский сложили,
 Оставили столько младенцев в капусте,
 Что вряд ли Господь нас так просто отпустит...

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Родился в 1939 году. Поэт, переводчик, прозаик. Окончил Московский институт иностранных языков. Член СП России и Сербии.

Из книг В. Куприянова: «Крут жизни», Краков, серия «Humanum est», «In Anyone's Tongue» (русско-англ.), Лондон, Forest books, «Zeifernroh» (русско-нем.), «Alkyon-Verlag», «Лучшие времена», МГ, Москва, «Поэзия», ИК, Нов Златорог, Ars poetika eugorea XX, София, «Ода времени», «Новый ключ», премия им. Маяковского; «Бумажная ложь», POINT-Edition (русско-фламандск.), «Нельзя/Verboten» (русско-нем.), Pop-Verlag, «УРОКИ — LEZONS», REVO-Verlag, Бельгия (русско-франц.), «Дикий Запад», Pop-Verlag; «Башмак Эмпедокла», роман, БСГ-Пресс, Москва, «Ничто человеческое» (лауреат национальной литературной премии «Поэт года»), Москва, «Creativity», poetry, Bengali, Kolkata, «Втор час...», Македония, Скопье, «Озарение», Сан Пауло, Бразилия, на русском и португальском, «Vuciji zov», Сербская Республика, «Duet of Iron», UNRA BOOKS, Kioto, Japan, на английском и японском, «Nastakshar sharad ritu ke» — «Урок географии», на хинди, «Indica infomedia», New Delhi; «ПРОТИВОРЕЧИЯ: Опыты соединения слов посредством смысла», Москва, Б.С.Г. — ПРЕСС.

ЧУДЕН ДНЕПР

Чуден Днепр,
 Когда не делит свои берега
 На левый и правый.
 Чуден Днепр, когда
 Редкая пуля долетит
 До его золотой середины.
 Чуден Днепр при тихой погоде,
 Когда не льет свои воды
 На мельницу нечестивых.
 Чуден Днепр
 И блажен муж,
 Иже не делит
 На левое и правое
 Величавую широту
 Своей русской души.

РУССКИЙ УМ

1.
 Россия, как ее понять,
 своим умом свободным обнимая,
 и примет ли меня она
 своим умом?
2.
 Россия, как ее понять,
 моим умом свободным обнимая,
 и примет ли меня она
 с моим умом?

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

Далеко-далеко
 на краю света
 в тридесятом царстве
 за семью печатями
 в четырех стенах
 на закрытой странице
 растет одинокое дерево
 в словаре иностранных слов

Вечнозеленое,
 о как оно тоскует
 о проблеске света.

ГЛИНЯНАЯ АРМИЯ ДЕСПОТА

Китайский деспот Цинь Шихуанди
 Во втором веке до нашей эры
 Повелел сжечь все умные книги
 И закопать в землю живьем ученых и поэтов,
 А в своей гробнице
 Спрятал в засаде
 Армию терракотовых воинов,
 Но по прошествии времени
 Всю эту премудрость книжную восстановили
 Те кто помнил наизусть эти книги
 И приснился мне глиняный страшный сон,
 Что глиняные солдаты деспота
 Пошли в наш век двадцать первый
 Незримым шелковым чайным глиняным путем
 По уже открытым Памирам и Уралам
 На нашу русскую землю,
 Чтобы закрыть наши русские книги
 И зарыть в нашу русскую землю
 Всех, кто еще способен думать
 Но шли они, как оказалось, напрасно,
 Ибо все это уже сделали
 Простые русские
 Современные деревянные матрешки
 И простые русские
 Глиняные детские свистульки.
 И некому восстановить нашу вековую мудрость,
 Поскольку никто
 Ничего не запомнил

РИСК МИРА

Осенние деревья рискуют цвести каждой весной —
 риск цветения;
 смертные рискуют рождать смертных
 в погоне за фантастическим бессмертием —
 риск рождения;
 этот риск оправдывается единством жизни,
 ее невероятным овладением временами,
 пространствами —
 риск жизни;
 он оправдывается самой жизнью,
 и потому на каждой живой планете
 против риска войны и вражды
 накапливается риск мира —
 риск мира и доверия,
 который в противовес риску войны и смерти
 оправдывается жизнью,
 не только жизнью, которая стала историей
 но и жизнью, которая только наступит,
 которая только тогда наступит,

когда мы все наберемся ума, чтобы
 себе позволить
 не бесконечное иго обороны,
 а риск доверительного мира,
 смертельный риск
 мира.

СОН С ТЕНЯМИ

Мимо проходят
 тени
 еще не любимых женщин,

 их расхватывают
 чужие тени,

 они их бросают
 в объятия
 тех,

 кто отбрасывает
 тени.

КОШМАР

Некогда в прошлом веке
 Мы с моим немецким другом
 Поэтом Хайнцем Калау
 Сочинили вместе такой верлибр:

«Мир
 Поумнел.
 Какой дурак
 Допустил это?»

У Хайнца есть
 Такое стихотворение:

«Мне снился кошмар:
 Человек отпиливал
 Часть своей головы,
 Чтобы она подходила
 Под форменную фуражку».

Хайнца уже нет в живых,
 Но я позволю себе
 По старой памяти
 Так дополнить последнее:

«Мне снился кошмар:
 Человек отпиливал
 Часть своей головы,
 Чтобы она соответствовала
 Чуду цифровых технологий!»

Что за бухгалтер
 Задает меру этой части?

Небо, кладовая озарений,
 Проблесков, мерцающих незримо,
 Их заметить успевают гений,
 Прочие их пропускают мимо.

Их порой скрывают облака,
 Сами, как изложенные кратко,
 Нам еще неясные пока
 Помыслы высокого порядка.

Мысль, во мгле мелькнувшая, чужая,
 Может стать моей наверняка,
 Но ее уносит, отражая,
 Столь же мимолетная река.

В той реке то заводи, то омут,
 Все умней становится вода:
 Эти отражения не тонут,
 Но минуют наши невода...

ПЕРЕВОДЫ

Васко Пота, Сербия

ЗЕВОК ЗЕВКОВ

Был однажды такой зевок
 Ни под небом и ни под шляпой,
 Ни во рту чьем-то и вообще нигде

Был он больше всего на свете,
 Даже больше себя самого

От поры до поры
 Озаряла его тьма тупого сомнения,
 Сонм сомнений то тут то там,
 Можно подумать — это звезды горят

Был однажды такой зевок,
 Досадный, как любой зевок,
 Длится он и по сей день

СЕМЯ

Некто посеял кого-то еще
 Посеял его в своей голове
 И почву тщательно утрамбовал

Ждал, когда семя взойдет.

Семя выело пустоту в голове,
 Он ее превратил в мышиную нору,
 Мыши сожрали семя

И подошли на месте.

В пустой голове поселился ветер
 И высиживает пестрые ветерки.

НИЧТОЖЕСТВО

Ничтожеству во сне приснилось,
 Будто оно есть нечто.

Нечто вдруг загорелось,
 И превратилось пламя
 В слепую муку.

Ничтожество пробудилось
 И стало греть спину
 В пламени сновиденья.

Мук пламени оно не узрело,
 Ни боли целого света,
 Спина ничтожества близорука.

Ничтожество снова заснуло,
 Ему снилось оно есть нечто,

Пламя погасло,
 Разглядело свои муки
 И утешило всех блаженных.

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

Родился в 1975 году. Поэт, прозаик, культуролог, историк. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников, стихотворного переложения псалмов Давида, романа «Воспитание циника», монографии «Дизайн в пространстве культуры», большого числа исторических и литературоведческих публикаций. Живет в Москве.

Услышав какофонию дня,
закрываюсь от мира мгновенно.
Но нельзя почитать и меня
инструментом, настроенным верно.
Ведь какой ни коснешься струны,
до каких ни дотронешься клавиш,
ни с Иуды не смоешь вины,
ни Христа от креста не избавишь.

Как драгоценные подарки,
ловлю последние лучи.
Но мне гулять в осеннем парке
теперь советуют врачи.
Гляжу в небесную пучину
немного даже сам не свой —
ведь не по своему почину
шуршу здесь палою листвою.
И оттого гораздо реже
бываю в этой красоте.
Привычки вроде бы все те же,
да поводы уже не те.

Сделал селфи. Вижу теперь, что в хвост
на макушке волосы собирая,
с недовольной миной, нарядом прост,
я похож на бедного самурая —
одного из тех, кто идет босой,
презирая даль, не пугаясь риска
(цаплей по жнивью, как сказал Басе),
чтобы убивать за мешочек риса,
а потом, под сакурой возлежа,
притворяться спящим на травах сада,
наблюдать украдкой полет стрижа,
наслаждаться тем, как весна свежа
и как в летний полдень поет цикада.

Дни августа. Душе как Божий дар они.
Во всем царит покой — а для меня так редки
периоды без драм, хотя и в эти дни
от нервов наперед я пью свои таблетки.
Но дивно хорошо, стряхнув остатки сна,
в постели полежать московским ранним утром,
и улыбнуться дню, любуюсь из окна
ветвями лиственниц в моем дворе уютном.
В гостиной бьют часы: «Бим-бом!» — пора вставать.
Умылся. Что теперь, позавтракать? А как же!
С утра побольше ешь — не будешь толстоват,
почтенье оказав простой овсяной каше.
Одевшись, выхожу. Двор пуст: кто в отпуску
копает огород, кто прееет на работе.
А я иду гулять по ближнему леску,
под соснами сидеть, как бы в прохладном гроте.
Из этих райских кущ, готовых к сентябрю,
но где еще лафа и птицам, и растениям,
на прошлое свое в дни августа смотрю
без всякой горечи, и даже с умилением.
Костер моих обид уже сторел дотла,
и удобрен золой большой участок сада.
Мне кажется теперь, что жизнь моя светла,
что все в ней здорово и только так, как надо.

Жанна ПЕРКОВСКАЯ

Поэт-переводчик. Окончила МГУ по специальности «славистика». С 1985 г. занимается литературным переводом (словенские, сербские, хорватские авторы). В 2008 г. выступила составителем и автором переводов антологии словенской поэзии серии «Из века в век» (ООО «МАГИ "Из века в век"»). Регулярно публикует свои переводы в журнале «Иностранная литература». В 2015 году награждена ежегодной премией «Инолиттл», учрежденной журналом за лучшую публикацию малого жанра за год. Является одним из переводчиков антологии современной словенской драматургии («НЛО», 2016). Лауреат Всероссийского конкурса

переводов британской прозы, объявленного Британским Советом совместно с Институтом перевода (2016).

Публикуемую подборку составили афоризмы словенского писателя, критика и драматурга Жарко Петана (1929—2014), выпускника экономического факультета Люблянского университета и Академии театра, кино и телевидения. Жарко Петан был режиссером театра драмы в Любляне, занимал должность директора Радио и телевидения Словении. Многочисленные афоризмы «на злобу дня», которые он писал на протяжении всей своей творческой жизни, принесли ему особенную популярность не только у словенской, но и у широкой югославской публики. Кавалер Золотого ордена «За заслуги» (Республика Словения), а также ряда почетных зарубежных наград, в том числе австрийского «Почетного Креста» — высшей награды за достижения в области искусства.

Жарко Петан

АФОРИЗМЫ

Как написать афоризм? Пишешь короткую фразу. Затем вычеркиваешь пару слов. Потом еще одно слово. И еще. Зачеркнутые слова заменяешь новыми. Дописываешь слово, которое ранее зачеркнул. Несколько раз меняешь порядок слов. Занимаешься этой ментальной гимнастикой, покада каждое слово не займет свое место. То, что ты получил, и есть афоризм.

Любовь — лихорадка, трясущая больных попарно.

Самоубийство — смерть из магазина самообслуживания.

Компромисс — самый длинный путь между «да» и «нет».

Политики — правдолюбивые лгуны.

Я знаю атеиста, который хочет, чтобы его чтили, как бога.

Третий мир в борьбе за Всемирный кубок занял почетное третье место.

Историю творят массы — историков.

Я понял, что на выходе из кризиса стоят те же стражи, что и на входе.

Ядерная война, скорее всего, завершится со счетом 0 : 0.

Социализм есть индустриализация плюс электрификация — а что такое индустрия без электричества?

Шовинист — это националист из другой республики.

Чем тупее читатель, тем острее должна быть сатира!

Плагиат — это когда поэт спутался с чужой музыкой.

Чего не можешь сказать одной фразой, не выразишь и сотней фраз.

Будет ли конец света хепши-эндом?

Удастся ли похоронить государство за казенный кошт?

Куда плывем? Скажу, когда пойму, откуда дует ветер.

Мысль была настолько глубока, что так и не увидела белого света.

У нас теорией оправдывают практику, вместо того чтобы ее предварять.
 Определенно, судно идет ко дну — крысы уже закупают яхты.
 Мозг — препона для мыслей, влетающих в одно ухо и вылетающих в другое.
 Абсурд — это когда бессовестный человек заявляет, что совесть его чиста.
 Война превращает людей в стреляющие мишени.
 Не странно ли: правду обычно подают малыми порциями, в то время как ложь тем съедобнее, чем крупнее куски.
 Невинность — единственный вид капитала, с которого можно стричь купоны, утратив его.
 Разум ограничен — безгранична только глупость.
 Историк подобен театральному критику, пишущему о спектаклях, которых он не видел.
 Мысль о том, что труд создал человека, наверняка пришла человеку на отдыхе.
 Иногда мне кажется, что десница справедливости — просто плохо пригнанный протез.
 Прогресс — как спринтер, быстро выбивается из сил.
 Ничего нет хуже, чем безграмотный графоман.
 Многие поплатились головой за то, что не имели под рукой более твердой валюты.
 Дорвавшийся до власти не выпустит ее из рук, пока его не похоронят.
 Вне всяких сомнений, нам легче влиять на прошлое, чем на грядущее.
 Только классикам дозволено писать скучные пьесы.
 Оперетта — внебрачная дочь оперы.
 Меж сценой и зрительным залом пролегает граница, которую без визы пересекают только истинные художники.
 В трагедии влюбленные играют свадьбу в первом акте, в комедии — в последнем.
 Юморист смеется над чужими промахами, сатирик удручен собственным успехом.
 Сперва меня драли за уши, потом тянули за язык, теперь водят за нос.
 Петух — будильник, пригодный для супа.
 Вторжение в чужое отечество называется патриотизмом.
 Историк — строитель лучшего прошлого.
 Современные христиане требуют признания таинства развода.
 Руины брака интереснее для психиатров, чем для археологов.
 Политики стараются разделить мир на три равные половины.
 Ненависть — чувство более глубокое, чем любовь: оно никогда не рождается с первого взгляда.
 Люди неизмеримо испортились: их все труднее окопачить.
 Дурной тон — это когда человек пишет мемуары о временах, которые всем хотелось бы забыть.
 Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Сборный пункт — Западная Германия.
 Революция и в самом деле пожирает своих детей — но лишь после того как пожрет чужих.
 Если уж нельзя преодолеть кризис в области культуры, давайте его хотя бы культивировать.
 Нелегко добиться стабилизации, стоя на голове.
 Телевидение — окно в мир, но стекла его столь грязны, что надо бы их вымыть.
 Сначала снимут последние штаны, а потом велют затянуть пояса.
 В отличие от театрального спектакля, у реформы бывает несколько реприз, если премьера не удалась.
 Взгляды — все равно, что брючины: узкие и широкие входят в моду попеременно.
 Для женщины приданое важнее после развода, чем перед свадьбой.
 В жизни нередко случается так, что первым на лошадиных бегах приходит осел.
 Бог создавал мир в цейтноте — на миллион ходов ему было отпущено всего шесть дней.
 Сердце труса бьется быстрее, зато дольше, чем сердце героя.
 Говоря о будущем, не забывайте, что оно начинается уже завтра.
 Не показатель ли то, что зуб мудрости — самый младший из всех зубов?
 Сатирик — хирург, юморист — физиотерапевт.

Перевод со словенского

Евгений ЧИГРИН

Родился в 1961 году на Украине. Один из наиболее ярких современных поэтов. Подборки его стихотворений публиковались в российских и зарубежных литературных журналах, вошли в ряд европейских и отечественных антологий. Является автором поэтических книг: «Погонщик» (Москва), «Неспящая бухта» (Москва), «Подводный шар» (Москва), «Невидимый проводник» (Москва), а также поэтического сборника «Лампа над морем» (Москва). Стихи переведены на европейские и восточные языки. Отдельными книгами выходили в Польше, Украине, Сербии. Е. Чигрин — лауреат литературных премий, в том числе премии Центрального федерального округа России в области литературы и искусства, Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских, Горьковской литературной премии в поэтической номинации, а также Всероссийской литературной премии имени Павла Бажова, общенациональной премии

«Золотой Дельви» и Оренбургской областной премии имени Сергея Аксакова.

Известный литературный критик Кирилл Анкудинов считает, что Евгений Чигрин наделен «уникальным, потрясающим чувством слова, чувством пейзажа, чувством цвета, света и фактуры увиденного. Отдельного респекта заслуживает словарный запас Чигрина. Он огромен, он почти неисчерпаем...». Живет в Москве и подмосковном Красногорске.

ДЕРЕВЯННАЯ ДУДКА

В нетвердом сне я выдумую жизнь:
Фонарик там горит? Скорее жирник.
И кто-то мне роняет: присмотришь —
Какой-то лирик?
Астральный лирик с дудочкой стоит:
В глазах звездинки, в колпачке, как в цирке,
В ботиночках... нелепый индивид,
Как будто в ссылке

Космической? Придуманный типаж?
Мультяшный призрак с деревянной дудкой? —
Элегий драйвер, вписанный в пейзаж,
С живой погудкой,
С надеждой на последние слова,
На музыку, в которой свились музы,
Раздуты щеки, в Боге голова,
Уста иллюзий

Стараются для музыки, для слов.
И ткуют сны библейскими стихами,
И свет старозаветных берегов
Держу руками.
Стою в улыбке Господа, живу,
Пока бемоли тянутся к минору,
На раз-два-три всплываю в синеву,
Продольной вторю...

И бабочки видений вьются мне:
Там фитилек, там дудочник, как чудо...
На автора стиха похож и не
Похож как будто? —
В одежде света, легкий старичок,
Влекущий космос. Знающий о многом.
...Ты б тоже так за грошик жизни смог? —
Не ставши богом?..

БАЛКАНСКОЕ

Вдоль набережной призраки и те,
Что быть могли бы призраками места.
Оплот Того, Кто умер на кресте, —
За крепостной.. Как спелая невеста
Белеет яхта, лодки, катера,
И тянет светом мусорных окраин,
Ворота в гавань музыка прожгла,
Свалившись из трактира местным раем.
И не с кем ежевичного вина
Мне накатить до первых аллегорий:
Смотреть Софоклом до хмельного дна?
Быть кораблем локальных акваторий.
Тут афинянин что-то сочинял —
Убойный трагик! Что сказать об этом?
Садовник пел и мирный грек канал
С кифарою таким же потным летом.
Я мастер фраз, в которых жизнь встает,
Но падает, хотя стоять должна бы...

Прибрежный мир захватывает йод,
 Как мальчика анапесты и ямбы,
 Как музыка, которая — вот-вот —
 Могла бы стать воздушными стихами.
 Все море, как свинцовый кашалот,
 Цветы и мгла, которую руками
 Сорвать нельзя, и некому сказать
 Спасибо за полночное объятие,
 И что-то под словами понимать
 В рифмующемся с небом променаде.
 Уже случилась эта жизнь во мне,
 В которой Серафим и дети смерти
 Перемешались в европейской мгле
 И расплатились по библейской смете.

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

Щекастый гномик музыку корпит:
 У дудочки бамбуковой везенье...
 Какой опять невидимый пиит
 Вышептывает мне стихотворенье?
 В четвертый раз затягивает снег,
 С подземным сочинителем не споря, —
 Который где? Который — саундтрек
 Фантазий холоднее моря?
 В четвертый раз заваливает снег,
 По буквочке становится счастливо:
 Я слышу твой с иголочками смех,
 Я вижу свет... Я вру неторопливо...
 В четвертый раз у Северных Ворот
 Маяк захвачен действием небесным,
 Приговорен буксирный пароход
 Бессмертием? — безмолвием воскресным.
 В четвертый раз шарманку крутит снег,
 Расплещем жизнь в слабее небо,
 Я слышу твой с изюминкою смех
 У маяка, смотрящего налево.
 ...Текут слова, за музыкой плывут
 Смятением приправленные крыши,
 Неместный ангел? Гномиков приют?
 Светильник зажигает кто-то выше...

Тончайший шорох листьев... Скоро нам
 Невидимый опустит осень... Осень
 Уже дохнула музыку ветрам,
 Две стрелочки свела на цифре восемь.
 К замостью фиолетовая мгла
 Спешит на крыльях ангелов и птичек.
 Ты теплоту легко с собой взяла,
 Как несколько живительных страничек,

В которых ты так обольщала, что
 Все становилось образным и скрытым:
 Закат стоял в костюмчике бордо,
 Вышептывал то музам, то харитам,
 Которым было не до нас. Звезда
 Выглядывала с дикостью такою,
 Что нагота светилась без стыда
 По Модильяни: белою рекою,
 Темнея треугольником волос,
 В молчании, которого хватало
 На темноту, на летний дождик слез,
 На горный свет мажорного хорала,
 Живущего в голландском сидюке,
 Как гномики в дремучем подземелье,
 На светик в постаревшем ночнике
 И коду меланхолика Корелли,
 Который — листья, шорохи, слова
 Не Самого, так ангелов и птичек...
 На ноготок везения — сперва,
 Потом — на холод бархатных ресничек.

ИЗ ХУТОРСКИХ ДИКАНЕК

Не открывай ту книгу, там гробы
 Летают и — рыдает старый сотник
 Да в монстров превращаются попы
 И смотрят на чудовищ, как на сводных
 Сестер ли, братанов — перекрестись!
 Меж синеватым лесом и приходом
 Огромным скорпионом пухнет высь
 Таким-сяким размашистым уродом.
 Не открывай полтавский гримуар,
 Там слабый лузер заклинает Книгой,
 А время — уплотнившийся кошмар —
 Борзее, как матерый черт с шутихой,
 С кричащего геенной полотна,
 Чей прародитель* спит в Хертогенбосе,
 Ну это к слову. В полночь простыня
 Видений растекается. На дозе
 Фантомов заковыристых нельзя...
 Я что хотел сказать? — читай сначала...
 Замри. Замкнись. И не смотри в глаза
 Начальнику бродячего кошмара.
 Здесь даже многоточия — сюжет
 Того, что видишь то ли третьим оком...
 Развитие. Деталь. Раскрутка. Тренд.
 Все станет завтра безмятежным вздохом.
 Эй, старый ключник, не проспи рассвет:
 Вот-вот и запоем петух крикливый.
 Петух в реестре Демиурга — бренд!
 На хуторе NN все люди живы?

* Иероним Босх.

ГОЛОВА СНОВИДЕНИЙ

В голове сновидений смеется философ Хома.
 Он женился на панночке: клады, офшоры, дома..
 Вся нечистая сила с Хомой корешится повсюду.
 У него на посылках каморра проворных чертей —
 Так стараются, что валит дым из стоячих ушей,
 Засыпают валютой иуду.

Комариные бесы несут сулею ведьмаку
 Да вишневую люльку к пропахшему злом очагу,
 На стене роковое сиянье звериных шестерок.
 Сладко демоном жить: белоручек-русалок иметь,
 Распухать языком чернокнижья, ломая комедь,
 Выдыхая то — Omen, то — Moloch.

Яд виверны давать от простуды шершавым кентам —
 Монструозным кентаврам, мешающим бром и агдам
 (Лошадиные уши, а фейсы страшил бородаты).
 В голове привидений жирует отступник Хома,
 Смотрит месяц галушкой, свисает широкая тьма
 И скрывает вампирские клады.

«Полетай, — говорит он ведьмачке, — в шикарном гробу.
 Тряхани стариной! — новобрачную вспомним судьбу,
 Забабашим полет, предадимся бездумному чувству».
 Так три ночи банкетят, играют в игрушки свои,
 В перерывах, как в сгинувшем прошлом, гоняют чай,
 Кодовство приближая к искусству.

Ставят лайки «ВКонтакте» то старому сотнику, то
 Неприкаянной птице, летящей в старинном пальто:
 Вариант — в макинтоше, плаще, титулярной шинели.
 В общем, все как всегда: сочинитель на коде припух,
 Словно бы очертил в ветхой церкви спасительный круг..
 На запоре кондовые двери.

Виктор ШИРОКОВ

Родился в 1945 г. в Перми. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, литературный критик и литературовед. Имеет высшее медицинское образование. Работал врачом. В 1976 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Был сотрудником «Литературной газеты», заместителем генерального директора издательства «Культура». Автор 14 стихотворных книг, нескольких книг прозы и более 20 книг переводов со славянских языков, языков народов Евразии. Лучшие произведения собраны в недавно вышедшем семитомном собрании сочинений. Член Союза писателей России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Лауреат премий им. Валентина Катаева, им. Николая Заболоцкого. Награжден Дипломом I степени «Золотое перо Москвы». Лауреат I Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письмена» за лучшие переводы зарубежной поэзии и поэзии народов Российской Федерации на русский язык (Тверь, 2009). Его стихи переведены и изданы отдельными книгами во многих странах.

Владимир ЯГЛЫЧИЧ, Сербия
(в переводах Виктора Широкова)

В ДЕРЕВНЕ

И запели перед лавкою серебряно
мужики, согласно: «Роза белая...».
Ночь присела рядом, пышнотелая.
В этой розе — вся родная Сербия!

И шепнул я Музе: «Слышишь, свет лия,
как душа поет! Небесно смелая.
Ничего, что песня неумелая,
но зато достойная усердия».

Мой народ обучен песням сызмала,
полупьяных слов клубок мотается,
сок ругательств укрепляет таинство.
Знать, душа уже немало вызнала!

Этих песен зачарован бдением,
я сравню их со вторым рождением.

ВОЗДУХ

Воздух внезапен и очень глубок,
стал он кормильцем, отринувшим голод?
Каждый мой вдох — это жгучий глоток,
смертный в себе сохраняющий холод.

Воздух, и как только выдержать мог
битвы смертельные, сызнова молод?
Кто помешает пить гибельный сок,
если любой позвонок перемолот.

Тот, кто вдохнул эти черные дни,
знает: не важно с чего же ты болен..
Даже в темнице в себе сохрани
тягу к свободе, судьбой приневолен.
Тело, гниущее не премини,
разом отторгнуть. Дышу. Я доволен.

СОЛДАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Бетонные надгробья встали в ряд.
Долина благодатная, как тризна.
Лев каменный приткнулся наугад.
И надпись: «Благодарная Отчизна».

Вокруг подлесок, только зреет бор.
Торчит скамья с бутылкой из-под пива.
Смерть и рождение с некоторых пор
завязаны узлом нетерпеливо.

В чью сторону легко качнуть весы?
Судьба невнятно булькает незряче.
А рядом дети. Тикают часы.
В футбол играют. И летает мячик.

ДЛЯ ДРУГОГО

Что остается? Кривда мифа,
непознанность судьбы другого:
пловец, забравшийся на рифы
геройски или же убого;
смерть в лучшем случае — гетера,
жизнь — ночь с прогорклостью осенней:
петля ЧК из «Англетера»,
не пожалевшая Есенина.

ШЕКСПИР

Хлад сентябрьский царапнул пемзой.
Лондон весь в голубом тумане.
Волны катит устало Темза,
словно знала о нас заранее.

Город палочкой машет, как Мерлин,
он туман прогоняет дрожью.
Его ум — это ум Минервин,
а перо — кость от кости Божьей!

Мир наш гениев видел разных,
он устал от любых пророчеств.
Все одно. Не спасут от заразы,
от напраслины, от одиночеств.

На праостровском ветродуе
лишь один мог, срывая маски,
омолаживать жизнь седую
и садиться на трон по-царски.

То ль поэт, то ль актер, надорвешься
с ним от смеха с трупой родимой:
— Дух, куда ты так нагло рвешься?
Во дворец, сам к себе, вестимо!

Сребролюбец и Мефистофель!
Город, ты ведь Джек-Потрошитель!
Рожи варишь ты, как картофель,
в ржавой миске, зайдя в обитель.

На морском песке, словно Тимон,
я твой лик различаю сквозь дождик,
как с невестой, с бессмертным Римом
прожигашь жизнь ты, художник!

Как же дождик исполнен мести!
Мрак валяется по тротуарам:
а толпа, позабыв о чести,
мчит в театр, хорошо б задаром.

И пока догорают свечи,
пока Гамлет бродит по сцене,
пока люди друг друга калечат
и собаки заботу ценят,

ты в какой-то укрылся драме,
той, что нам еще не знакома.
Ждешь свидания с Черной дамой,
а для нас ты — дух беззаконный.

Радомир АНДРИЧ

Родился в 1944 году в Любане, недалеко от местечка Ужицы. Учился в гимназии в Ужице и в городе Крушевац. Окончил филологический факультет Белградского университета.

Работал редактором в газетах, журналах и на радио. Один из наиболее выдающихся современных сербских поэтов.

К настоящему моменту им написано и издано более 30 поэтических книг, среди них «Солнце на мельнице», «Вечерний кувшин», «Лесная церковь», «Нежность Карпат» (совместно с Весной Парун), «Без отступления», «Ночной пловец», «Волчица на снежной дороге», «В багряном», «Черное долото», «Румынская икона», «То же и наоборот», «Ужин в лодке на Саве», «Белый источник», «Улетели птицы-ласточки» и другие. Он автор нескольких поэтических сборников для детей. Переведен на многие языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский, румынский, македонский, итальянский, польский и другие. Его книги изданы в десятках стран.

Лауреат более чем 20 престижных сербских и европейских литературных премий. О его творчестве написано несколько научных монографий. В настоящее время является председателем Союза писателей Сербии. Как сам о себе рассказывает, живет в Белграде в нескольких местах одновременно.

НА ХИРУРГИЧЕСКОМ СТОЛЕ

1.
Насколько ты околдован
невыносимой жизнью
настолько же непровержимо
существуешь и дрожишь
на хирургическом столе
один в операционном
зале перед безмолвной
челюстью и безмерной
пустотой в груди
изголодавшегося чудовища

2.
Из черного зеркала
потерянный во времени луч
освещает стиснутое
сердце и язык
грешный в том что посвящал себя
запретным речам
впрочем чем другим
может человек быть искушаем
свечой призрачной
в жаждущих глазах

3.
У кого истинный ключ
от скрытого замка
на вратах никогда
до конца не отворяющихся
кто знает где и как
замирает слабеющий вздох
кто знает кроме безмолвного
создателя в облаках
непроницаемых над
идеалами растраченными

4.
В тишине выкроенные
заплатки из твоей
кожи и живого мяса
окровавлены и доказывают
еще раз что было
развезано небрежно
без остатка по
иллюзорным лесным чащам
и судьбоносной горе
под вечным снегом

5.

За высокой оградой
на хирургическом столе
прислушиваешься к эху
глухих раскатов грома
и качающихся колоколов
на призрачной колокольне
а каждый звук несет
неподкупную истину
и наполняет пространство
от истока до устья

6.

У кого нет сердца
у того нет ни боли ни страха
перед завтрашним днем
и неотложный разрез
скальпелем холодным
у кого нет надежды
у того нет защиты от хмурого
ветра окружившего печальный
дом в минуту когда
свет исчезает

7.

Сначала вдох затем
выдох совсем
по-новому в размер
воздуха не вдохнутого
и голосов по ту
сторону действительности
сначала покинь тьму
а затем посмотри
где ты отыскал а где нет
светлое утешение

8.

Обманчиво пробужденный
ты широко открываешь глаза
но синевы
радужной все меньше
а мрачной серости
все больше как раз там
где предполагал новые
более счастливые краски
которые придают остроту и свежесть
рассветным проблескам

9.

На хирургическом столе
среди непроходимых
густых чащ заперты
в одном теле стая
мотыльков и мальчик
заросший покачивающимися
ветвями нетерпеливо
ожидающий благодатного
осуществления мечты
и побега из тесного сада

10.

Еще один магический
трепет постепенно
охватывает и приобретает
значение неизбежного
искушения и спора
с Тем Который догоняет
и ловит непрестанно
от зари до зари
на небесном своде
свою роковую тень

11.

Из туннеля в туннель
как из ночи в ночь
маленькая доза лирической
отравы не оставляет
любопытному языку
достаточно интригующего
пространства чтобы создать
велеречивые рассуждения
о тягости постижения
грамматики чувств

12.

Растерявший формы
жизни так и не постигнутой
и пищу услащенную
верой в иное
существование ненасытный
и алчущий днем еще что-то
мелет
а ночью как оборотень
свое логово в тишине
пытается укрыть
остатками молодости

Перевод С. Гловюка

Вера ХОРВАТ

Сербская поэтесса, эссеист, переводчик, литературный и художественный критик. Имеет степень магистра истории искусств Белградского университета. Является редактором Международной программы интернационального фестиваля «Смедеревская поэтическая осень». Автор нескольких книг стихов и более двадцати книг поэтических переводов. Переводит с русского, английского, украинского, польского и болгарского языков. Ее произведения переведены на русский, украинский, греческий, болгарский и английский языки. Является членом Славянской академии литературы и искусства, (Варна, Болгария), Международной ассоциации писателей (МАП), Ассоциации писателей Сербии и Ассоциации литературных переводчиков Сербии. Живет и работает в Белграде, Сербия.

Перевод с сербского. Олег Комков

В НАЧАЛЕ

В начале
слово было
песней
Когда обрел
первородство мир
из вышней книги
в виде голубине
слетели гласы
словесных лир
Медно-янтарны
вишнево-сини
водно-лазурны
злато-красавы
слова осыпали
словно иней
наши гробницы
глухие глыбы

Тайное слово
как луч
по льдине
сквозь омрак сна
в зенице яви
резцом сотворило
нам
людские лица
в венки вплетая
речные травы —
и разлетелись
хищные птицы
Очнуло очи
очеловечило
уста уснувшие
разговорило
Горла и груди
души и думы
дивное слово
отворило

Все это было
под сенью бденья —
лебедя-духа
над бездной текучей
плыли над мглою
испаренья
ириса
мирта
скрытых созвучий...

Все это было
в день тот исконный —
небесной иконы
не застила рама
Стояли по кругу
горы-колонны —
купол держали
безмерного храма

Все это было
в пору исхода
чудищ морских
к заводи пресной —
в дни когда песни
были словами
а слово —
песней

Цикл Вучедол*

ВУЧЕДОЛЬСКАЯ ГОЛУБКА

Оттого ль что взрезана шея
оттого ль что глиняны крылья
ни взлететь ни пойти
не можешь
недвижимой немой былью
застыв от века:

а глава-то была золотая
а крылья — серебро и млеко
а следы твои — письмена
возле них сидим дотемна
и читаем

мы еще ломаем поленья
ловим рыбу в водах дунайских
и сети себе расставляем

Мы еще строим
свергаем
ворожим и меняем
маски

И уже устав от игры
не признали до сей поры
что грамоты
не знаем

АРГО

Улисс-то был не таков
Не из тех
кто без слов — в доспех
да с войском
против сирен...
Что если воском?
Воск!
Вот так решенье!

Не слышишь
не знаешь
не меришь

Широко море
сколько в ущельях
ни плавай

Ясон — дело другое
Тот согнулся дугою
да зубами держал кормило
а руно — и левой
и правой:

Пусть попробует кто Орфея
превзойти в песнопеньи
славой!

СОЛОН

Кто нашептал вам закон
отречься от Саламина?

Это ль — народ мой?
Это ль — Афины?

Ужель повсюду растет
пышный цвет Саламина?
Как же вас стыд не распнет?

Что скажет сыну
отец
когда оттремит гроза?

Вино обратится в оцет
оплесневает лоза
что выкинут как мякину

Оплакавший Саламин
оплачет и Афины

Закон ваш зело потешен:
неправо — стоять за право
родное
Безумцем я сделался
грешен
на коленях искал управы
склонившись в метанойе
Не стану ни пить ни есть
пока не услышите
люди:

* Вучедол (букв.: «волчья долина») — место археологических раскопок, расположенное на берегу Дуная. Вучедольская культура является одним из самых важных свидетельств эпохи энеолита.

призовите совесть и честь
кулаками стучите в груди
видя как лбом израненным

бьюсь
не стойте будто безвинны

Я вас — и за вас — боюсь

ведь кто забыл Саламин
забудет и Афины

Агора — торговища горше
Только и слышно: — Почем?
Торгуетесь да
грызетесь —
простится ли вам потом?

Проживу и на Фолегандре*
иль на скалистом Сикине**
на островках никчемных
из нищеты и глины

И там на камне стану
и страшную вымолвлю истину:

Кто продал Саламин
тот продаст и Афины!

ГОД 1428***

Братъ разве смеем дерево
коль тот кузен
Кантакузин
и на сланец
косится:

— Это камень, каимено?

Это камень?!

Канем без камня?

Канем без камня

тесаного?!

Тесно его

спаяй

с яйцами да скорлупками

хрупкими

И рыбью возьми чешую

слизую

и дунаводу

и с века влагу слезную

разубран

зазубрен

край

Вздыхай

вздымай

тень одну

каменную жену

(иной не сыщешь!)

Кирпичом ее опеки

да опять

опарь

ударь —

утроба бредит

а дромба бодрит

Братъ ныне смеем дерево?

— Сме дерево!

Да на рожны

на рала

на зубчистки —

глупые люди!

Ибо град сотворен

да весь день затворен

и всю ночь отворен

пребудет

* Фолегандр, Сикин — маленькие острова в Эгейском море, упоминаемые в сохранившейся элегии Солона «Саламин».

** На срезе некоторых камней, из которых сложены стены Смедеревской крепости, можно увидеть петрифицированные останки флоры и фауны древнего Панонского моря.

*** В 1428 г. было начато строительство Смедеревской крепости. В течение нескольких последующих десятилетий Смедерево являлось фактической столицей Сербии. В стихотворении упомянуты и претворены некоторые реалии и легенды из истории строительства города:

...коль тот кузен / Кантакузин... — Георгий I Бранкович, деспот Сербии (ок. 1427—1456), был женат на византийской царевне Ирине из рода Кантакузинов. В руководстве строительством принимали участие и ее братья: Фома, Андрей и Георгий.

Каимено (греч.) — Горе мне!

Это камень?! / Канем без камня? — Для возведения крепостных стен не хватало камня, и порой его приходилось доставлять издалека. Это сделало процесс строительства долгим и тягостным.

...с яйцами... — По одной легенде, при кладке стен для улучшения качества связующего материала использовались куриные яйца; молва приписала Ирине Кантакузине приказ собирать с народа яйца, что нередко приводило к голоду.

...каменную жену... Кирпичом ее опеки... ударь... — В одну из стен крепости был вмурован барельеф с изображением богини Гестии (оказавшийся среди прочих материалов, привезенных с развалин римских сооружений). В народном сознании скульптура прочно соединилась с образом Ирины (несправедливо прозванной «Проклятой Ириной»), которая виделась воплощением злой воли и виновницей сопряженных со строительством мучений; по преданию, каждый житель Смедерева считал своим долгом бросить в изваяние камень. Барельеф был уничтожен или похищен во время Второй мировой войны. Сербизированная форма имени Ирины — ерина — используется в стихотворении в виде каламбура. Дромба (более распространенные названия: варган, еврейская арфа, дрымба) — народный язычковый музыкальный инструмент класса идиофонов (самозвучащих).

Сме дерево! (сербск.) — букв.: «Можно дерево» Эта фраза, обыгрываемая в стихотворении, связана с легендой о происхождении топонима Смедерево, согласно которой во время возведения крепости не разрешалось использовать дерево.

ГОД 1459*

Бом бом
хриплый звон
не отвратит
небрата от врат
будущей
бражни
и сарая**

Бом бом
кабы да гром
а не горланье
грозного
гряя

Бом бом
при владыке больном
земля — наковальня
а ковань — райя***

Бом бом
Горит наш дом —
родослов
минеи
купчии
невмы

Бом
Боже кто мы
не громы не хромы
нахрапом когорты —
да будем немы
иль сгинем сплошь

Боже
почто нам чадно!
Боже
почто нам чудо
иль каплю дождя
не пошлешь?..

Дон дон
на небосклон
тень — камнепадом

Отцвела
наклонилась
во тьму заронила
роза заката
над градом

Дон дон
пал донжон
Румелии

Дон дон
с роком вовек
сладят
умелые
Дон дон
в труху — трон
челу — терн
червлена корона
на величание
с небом венчание
в час последнего
звона:

бом
бом
бом

ЦЕРКОВЬ СВ. СПАСА

Разветвилась ветка
игдрасиля
под ним трепет
херувимских крылий

Над ними — Спас

В руках его
шар хрустальный

Пребела риза
Злат пояс
Ни амвона
ни звонницы —
нищий

умолкнул глас
Боле
не сыщешь
и пепелища
перстом не напишешь:

Помилуй нас

* В 1459 году Смедерево было взято турками.

** Сарай (тур.) — зд.: двор османского правителя. В переводе слово сохранено в качестве каламбура.

*** Райя (тур., презр.) — собирательное название покоренных турками народов. В сербский язык вошло в качестве разговорного синонима слова «народ».

ЯБЛОНЯ ИЗ ЕЛАБУГИ

1.

Яблоня
из Елабуги
поздний сбор
Долу сборщик
далек собор

По-над взором
где окоема
рвется кайма

В кроне
гнездятся ласточки
вкруг ствола —
сорняков листочки
Корень — тьма
Жрица коей не сослужили
не заслужили —
разворожили
расставили —
закляла древо да вырастет в силе
плача о том как низка
сама

2.

Через плечо брось гребень:
коль судьба улыбнется
взрастут в оврагах цветы
и куст колючий сплетется
среди пустоты
где пал

Через плечо выплесни чашу:
лава вир в лабиринте свила
что твой след учуял сквозь чашу —
да свернется в чернила

Хаос-оскал
бытием очерти
глядь — и явилась чернильница:
в сказке своей — гостинице —
гонителей приюти
да очеловечь
Напои их и накорми

в диванхане щедро прими
От угольев им
— на темени —
запали махорку
что печь
Расскажи немного
о времени
ничего об огнive
и кремне
о связи плеча
и бремени
гласа и ремня —
границы песни прейти
сказке
заказано

Через плечо брось и камень
который в тебя бросали:
— се воздвигся горою
и точит слезу из дали —

да не отдашь
как Марсий
горло за флейту
ребро за лиру

предстань же свету
как явь угаснет:
листок чистотела
миру
как ласточка — ласково —
вверх

Сестра пеластова
скифова дщерь
в ночь
забрось
сапжок без пары
Пусть летя
замлеет
углем от жара
крыльями бабочки
что стынет горя
в одиночке
из янтаря

Мартин ПРЕБУДИЛА

Родился в 1960 году в Обреновце (Сербия), живет и пишет в Старой Пазове, работает редактором в Словацкой редакции Радио Нови Сад. Издал несколько сборников стихотворений, среди которых «Дождь в лицо» (1983), «Жизнь на playback» (1987), «Навзничь» (1992), «Почти ни о чем» (2010), «Три точки в двух завываниях...» (2014), а также «Не запирай пустой дом. Избранные стихотворения» (2010). Также является автором двух сборников детских сказок: «Землянин Милан и Винцент без уха» (1996) и «В Аннином сне табун коней бродит» (2007), а также сборника рассказов «Случаи с черной полки» (2013). Два его романа «Резервист без резервной кожи» и «Ну давай, улыбнись...» переведены на сербский и румынский языки. Перевел множество поэтических сборников выдающихся сербских поэтов на словацкий. Является представителем среднего поколения словацких литераторов Воеводины, членом Союза писателей Сербии и Союза словацких писателей в Братиславе. Лауреат нескольких престижных литературных премий.

ВСЕ ЕСТЬ СВЕТ

Тесла

1
Тонка полоса огня
между сном и днем
между светом и тьмой
но все иначе, чем кажется
Это в сущности нежные тайны
бесконечности
свет когда ты родишься
когда вырастут у тебя первые зубы
когда прокричишь первое слово
и когда обрешь крылья
для первого полета и бесчисленных падений

вспомни человек
ты из света вышел
и в свет возвратишься

2
Светом будешь ты и когда уйдешь

Я буду рад когда найду тебя
на обочине Млечного Пути
сидящим на лавочке
на Площади свободы
а рядом наш мальчик
и ты все кормишь, кормишь
воркующих голубей

3
Лишь свет и музыка
непрестанно повторяются
пока мы блуждаем
ночами
и кажется нам что все было
так давно

НЕ ЗАПИРАЙ ПУСТОЙ ДОМ

От кого ты запираешь ночью двери
никто не разграбит разграбленный дом
в нем так много свежего воздуха
только зачем и для кого

погаси свет и ложись спать
чтобы проходящие мимо гангстеры
не подумали что внутри еще что-то осталось

МЕТАФОРЫ НЕВОЗМОЖНЫ

Я старею быстрее смены времен года
И все что начинаю с добрым умыслом
Оканчивается наихудшим
Возможным способом

метафоры невозможны
реальность слишком реальна
хотелось бы жить
но жить умирая невозможно
остаются лишь протесты
несогласия
остается кричать ледяным голосом
метафоры невозможны

уже завтра у историков и археологов
работы будет по горло
о горах и головах
которым не суждено возвратиться домой
которые не успели дожидаться седины
объехать хоть частицу мира
и выучить хоть один иностранный язык

в анналах будущности
останутся лишь разбитые взгляды
натянутые улыбки
хромые шаги
человек по горло в язвах

и прах истекает
в краю мертвых и полуживых
а я
с кожей прикованной к дереву страха
целую собственное лицо опадающее прахом
и со страхом что уже не останется времени
на любовь
ищу аметист в серебре
и прощение

КОГДА УМИРАЕТ ЛЮБОВЬ

Когда умирает любовь
излишеством станет кило хлеба
на пустом столе
за которым еще вчера сидели четверо

когда умирает любовь
зачем возвращаться домой
и ложиться в постель
с первородным грехом

это наша была ошибка
моя прекрасная древняя
моей лестнице
уже не важно
вести снизу вверх
или сверху вниз

пустота до середины неба

ЕСЛИ ОДНАЖДЫ
ТЫ ОБЕРНЕШЬСЯ

Если однажды ты обернешься
Увидишь ставшую неактуальной белиберду

И если ты обернешься
Облокотись на безбрежный небосвод
И продолжай побег из собственной биографии

Некому ни прибавить ни убавить
Ты стал
Персоной нон-грата
ратата-тата-та

и если ты постучишься
в туго сомкнутые губы
мгновенно поймешь
что внутри тебе не место
и в общем снаружи тоже

и будешь отвергать мерцающую тень
забальзамированную в сердце пирамиды

Перевод Дарьи Анисимовой

Цветка БЕВЦ

Родилась в 1960 году. Поэт, писатель, музыкант, окончила философский факультет Люблянского университета по специальностям «музыковедение» и «сравнительное литературоведение», повышала квалификацию в колледже Университета Корка. На протяжении ряда лет возглавляла проведение Словенских дней книги, член Союза писателей Словении, PEN и редакции журнала «Поэтикон». Живет и работает в Любляне. Пишет прозу, поэзию, драматические тексты, молодежную литературу и сценарии фильмов. Автор более двадцати книг, в том числе сборников стихов («Перелет журавлей», «В камышах», «Отблески», «Сиринга»). Ее стихи и рассказы переведены на английский, немецкий, итальянский, чешский, сербский, хорватский, македонский, болгарский, румынский, китайский, белорусский и латышский языки.

Призы: лауреат премии «Серебряное поэтическое перо» (Международный фестиваль поэзии «Славянские объятия», Варна, 2014), финалист Поэтического турнира 2014 и 2015 гг. Сборник краткой прозы «Сумеречные истории» удостоен международной литературной премии «Сеть городов» в рамках Пазинских литературных встреч.

АЛЬБА ПТИЦАМ

Мы живем по милости птиц,
уступивших нам свои гнезда,
еще теплые от их крыльев.

Поэтому я не боюсь летать.

Я боюсь лишь истории,
что считает сбитые самолеты
точней, чем падения птиц,
и стирает из нашей памяти властителей мира.

Отправляя птенцов в полет,
птицы учат их
слову «земля»,
чтоб рассказать им о небе.

Если смотреть с высоты, мы, люди, такие крохотные.
Мы строим из облаков дома для раненых птиц,
жилища наших утерянных снов,
мы возводим их среди звезд,
как шатры кочевого племени
в пустыне, усеянной призраками
крылатых существ из песка,
и во взоре их глаз
ищем подпорки для души, попавшей в колодезь,
где давно иссякла вода.

Одна лишь птичья слеза
может навек утолить нашу жажду.
Нужно только насыпать зерен на подоконник
без мысли, что нам воздастся.

Вновь и вновь я пытаюсь насытить птиц,
пашу небеса, высеиваю злаки в воду,
пожинаю скалы, камни, песок,
среди птичьего щебета оставляю поля под паром
и принимаю воздушный смех, как плату
за труд. Или как крохи надежды

на то, что жизнь — всего лишь пора обучения
тому, как родиться вновь с сердцем птицы.

И ВСЕ-ТАКИ Я СУЩЕСТВУЮ

Снова на ужин — забытое утро.
Накальваю на вилку память без памяти,
звучащую голосом пережеванных облаков.

Наверное, мне будет легче существовать, когда миру
придет конец.

А до тех пор я буду множить в себе самых разных зверей:
когтями сподручней рисовать календарь,
в котором неделя — вереница бесчисленных дней
по вине моего слабоумия,
указанного в направлении на прием, и всего,
что так далеко и дышит уже бесконечностью.

Иногда я вижу его,
он говорит: я твой сын,
и мысли мои рассыпаются, как пестрые конфетти.
Быть может, я слишком долго живу,
и меня оглушили победы и поражения —
я их уже не могу отличить друг от друга.

А ведь когда-то мне довелось строить грядущий мир,
иначе я бы не смог даже включить свет.
Потому я теперь принимаю свое бытие
на расстроенных струнах минувшего века,
распознавая его по дате рождения.
Временами. Когда темнота не слишком темна под веками.
Когда слышу, что на соседней улице
снова поют.

Моя память так избирательна. Я не знаю, где нахожусь,
хоть здесь — мой дом, кровать, фотографии,
сосед, никогда не спящий, и ночь. Много ночей.
Я знаю, где пребываем мы все, включая лежачих,
и тех, у кого мозгов больше, чем у меня, —
кто меня называет Иваном, когда я свое забываю имя,
кто приносит обед и отсчитывает таблетки.

И все-таки я могу говорить о поэтах,
которых убили за их слова.
Мой сосед ночью мне шепчет,
что на всех нас лежит вина.
Он говорит: жареный безголовый петух нас все еще видит.
Быть может, он прав?

А нужно ли мне все понимать?
В жизни пришлось научиться столь многому.
Человеку под силу вынести
столько-то разочарований. Смертей.
Печалей. Смеха. И самого себя.

Поэтому каждое утро рисую я подземелье,
которое называю космосом.
Ибо какое-то время меня еще будет — чуть-чуть.
А когда и вовсе не станет, я все равно еще буду.
Заплачет ребенок, расцветив рыданием стужу,
а я с улыбкой сбегу.

ПАМЯТЬ ДУБА

Когда побредем мы под утро по парку,
подведи меня к дубу, прислони к шершавой коре,
чтобы я ощутила ладонью ее рельеф,
чтобы пальцам моим открылся древесный пульс,
отбиваемый дятлом в кроне.

Смотри, я осыпана вся ливнем из желудей:
сколько в гортани размокших плодов!
Дождь омывает до наготы корневища,
от которых доносится таинство мантр,
растворяющих звук без мелодии.

Защищаясь от них, а вовсе не от тебя,
я уже не ишу ни истин, ни откровений:
Я забыла о поисках, да и что я могла бы найти
в древесном нутре, а ты задаешь вопрос:
любимая, ты жива? ты выживешь, растворившись
в тысячах каплях на падающих листьях,
с трепещущей кожей, струящейся к небесам, когда я устремляюсь к тебе.

Поднимись к вершине, стань, как лиана, сотки свой кокон,
в котором созреет наше рождение, и время, и смерть;
напоследок пронзим булавкой размякший грунт,
чтоб вода унесла расшатанный дуб,
который за нас из последних сил все еще будет цепляться.

Возможно, когда-нибудь мы забудем эту любовь,
но дуб запомнит, запомнит он навсегда
и не забудет, став желудем и снова могучим деревом,
что мы жили, и обласкает ветвями память о нас.

Перевод Жанны Перковской

Примож РЕПАР

В 2009 году окончил философский факультет Люблянского университета, доктор философских наук. Занимается также вопросами истории. Является одним из учредителей ассоциации «Апокалипсис» и директором одноименного издательства. Автор ряда философских трудов и поэтических сборников, которые были переведены в том числе на английский, французский, польский, словацкий, чешский и другие европейские языки. За свою творческую, издательскую и общественную деятельность неоднократно удостоивался престижных премий — как в Словении, так и за рубежом. Публикуемые стихи взяты из сборника «Состояния щедрости» (Stanja dareljivosti).

Черная ночь на опушках снов,
голос — клочок синевы —
успокаивает —
праздник тревоги и воскрешения

Вулканическое извержение крови абсурда и
абсолюта.

Я утратил контроль над словами и фразами.

Ныне, глухой к речам, я слушаю рокот земли,
впитавшей твой голос, твои слезы и смех.

СОЛНЦЕ НА ЛБУ

Ты меня согреваешь,
я замерзал много лет.

В твоё русло
роняю жгучие капли.

Где ты?
Я чувствую боль твоего отсутствия.

Где ты —
как раз сейчас,
когда меня нет? Нет и нет. Просто нет:

вот он я, с дрожью в пальцах,
авантюрист в промозглых стенах —

кадилах, рождающих жизнь
в пропасти жгучего смысла.

Сбой внезапный дыхания,
безотчетный жест.

Когда ты меня согреваешь,
мои мысли, трепещущие в лихорадке, —

намокший стебель,
глоток нектара из водорослей,

как тогда,
давным-давно и когда-то,

одиноким донельзя:
древо познания зла и добра,

простое нигде;

мы подняли паруса
и отплыли в сумраке мира

с омытой росой лужайки,

в открытое море,

туда,
где бывали раньше.

Ты меня согреваешь
Я чувствовал это годами,

сходил с ума,

словно загнанный зверь мрачной истории,
проводил ладонью
по россыпям твоего святилища,
и ты ликовала...

Этот морок...

Ты меня согреваешь,
приникая ко мне головой,
возлагаешь мне солнце
на лоб
и в больную душу,

тяжелая
от болезненной сладости,
неумна
в мурашках кожи,
в экстазе тела,

пускаешь ростки, а я
вкушаю твои лесные дары.

Теперь вот я здесь,
здесь же я и останусь.
Ты меня согреваешь
теплом, дыханием, заклиная:

Люби ее.

СЕБЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Утро. Один. Совершенно один.
Никто не утешит.
Никто.
Пересекаю ту грань,
где запнулся мой друг.
И он был тогда один.
Мне три года,
скоро стукнет четыре.
Всюду вокруг — пучина.
Мне тепло и уютно.
Теперь же все по-другому.
Совсем по-другому.
Пересекаю грань,
где запнулся и я. Мой шаг
нетверд. Очень шаток.
Утренняя поляна, рассветное солнце.
Нигде — никого.
На грани
лишь глубоко ранимый пейзаж.
Ждущий тебя понапрасну.

Перевод Жанны Перковской

Милица БАКРАЧ

Родилась в 1977 году в городе Никшиче, Черногория, здесь же в местном университете окончила факультет философии (отделение сербского языка и литературы). Автор двенадцати поэтических книг для взрослых и детей, опубликованных на сербском языке и кириллице. Ее творчество представлено в многочисленных антологиях современной сербской поэзии. Награды: первая премия «Ратковичевых вечеров поэзии» для молодых поэтов (Бело Поле, Черногория); лауреат премии Святого Саввы за литературные произведения, посвященные сербскому народу (Восточное Сараево); премия «Марко Милянов» (Подгорица); Золотой значок и грамота культурно-просветительского сообщества Сербии за бескорыстную, преданную и длительную работу и творческий вклад в распространение культуры (Белград); «Поэтическая грамота» в честь 700-летия монастыря Баньска (Косовска Митровица), премия «Витязь жизни» (Белград); премия «Душко Трифунович» (Пале), специальная премия «ПРО ПОЕТ» (Инджия, Сербия); премии «Растко Петрович» (Белград), «Святосавско Благодарье» (Белград), «Венец Эвристики» (Пожаревац), «Хартия города Суботице» и «Печать князя Лазаря» (Пожера). Действительный член Ассоциации писателей Черногории и Ассоциации писателей Сербии, а также Литературного общества сербских писателей Косово и Метохии.

РАЗРУШЕННАЯ ТРОЯ

Во сне мне явилась разрушенной Троя.
 Политые кровью ее бастионы
 Стояли пред взором рассветной порою,
 Была я с ней цельной как верные жены.

Когда я признала Страхиныча голос
 За гордый неистовый клич Менелая,
 Я думала, время истерлось, как волос,
 Под песен запевы знакомого края!

О песня! — чье имя похоже на клятву!
 Прислушайся к грусти далекой мотиву:
 Окончила я и посевы, и жатву,
 Но с мором сухмень погубил мою ниву!

Во сне наша Троя мне ночью явилась,
 И Косово Поле пред взором стояло!
 Отняли богатство, что раньше дарилось,
 И синего неба над нами не стало!

Молчу! Ведь тебе я ответить не в силах.
 Забрали стада они наши, и, значит,
 Лишь вера спасет нас, несомая в жилах!
 Где Троя рыдает! И Косово плачет...

ИГРА

Улицы полнятся зверем и людом.
 Имя и нрав продавать уже смеют.
 Скупщики Веры торгуют и чудом.
 Волчьи шкуры, а овцами блеют.

Из-под полы в полутьме предлагают.
 В дудки дудят! Вот волынки на выход!
 Боже, похоже, они и не знают —
 В торге виденьем не будет им выгод.

Некто стучит в барабаны впустую.
 Вся эта ярмарка душит до боли.
 «Тем, что украдено, смело торгую!»

Дни отравили мне вести-дурманы.
 Ты же мне мелкого бисера соли
 В виде подарка насыпал на раны.

СОНЕТ КОСТЕ РАДОВИЧУ

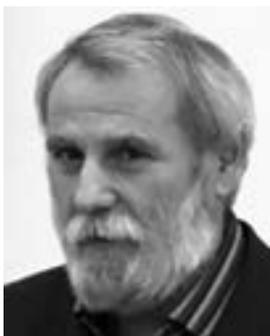
Летом сомкнула Пива свои уста,
 И все пешеходы твердят об этом.
 Нет Косты, что строил «Дом у Христа»
 Братьям, крестьянам, поэтам.

Вот уже на небе встретят его толпой
 Воспоминания, мир и измены.
 Неимар, что был после Коста второй,
 Достроит вместе с братией стены.

В полдень крыша вознесется ввысь,
 Став преградой небесным птицам.
 Небо у Косты близко, взглядишь.

Байо тут и Лазарь Сочица,
 Яглика подойдет и воды принесет.
 Коста в счастливом доме — в раю, где наш род!

Переводы Ивана Белокрылова

Милутин МИЧОВИЧ

Поэт, прозаик, философ, эссеист. Родился в 1953 г. в Подгорице. Основные книги стихов: «Живая вода», «Врата», «Дом», «Хлеб для путников», «Письма из Уранополиса». Издатель, главный редактор издательства. Его стихи и проза переведены на разные языки и изданы во многих странах.

Какие-то люди,
 Похожие на нищих,
 С ангельскими сердцами,
 Узнали мудрецов,
 С радостью попросили хлеба
 И, благодарные, продолжили путь.
 Когда встретились волки
 С налитыми кровью глазами,
 Они смиренно склонились перед мудрецами
 И попросили
 Прочистить им дикие мозги.
 Как только обессилившие поведали,
 Что у них на сердце,
 Спала пелена с очей,
 Разум прояснился,
 И пошли они за чистым воздухом
 В звезднопрекрасную ночь.
 После них щенки,
 Тоже озлобленные,
 С поджатыми хвостами
 и перекошенными мозгами,
 Рыча, двинулись на мудрецов,
 Но, завидев медный посох,
 С воем
 Бросились в свои норы.

О, моя дорогая
 С другого края света!
 Ты камень у меня на сердце
 И холод в жилах.
 Я посылаю тебя в дорогу
 С завязанными глазами
 Через густые леса
 С опасными тропами,
 Но тайными знаками,
 Которые верно тебя ведут
 К неродившимся созвездиям.
 Моя несравненная,
 Когда тебя похитит буря
 В головокружительную глубину,
 Дрожащую самой глубокой дрожью,
 Тогда
 Сквозь тучи сверкнет молния.
 Благослови ее вспышку,
 Которая тебе
 Откроет родной дом.

Перевод С. Гловюка

Радомир УЛЯРОВИЧ

Родился в 1954 году в Врбице близ города Никшич (Черногория). Поэт, эссеист, критик, книгоиздатель. Автор более десяти поэтических сборников, среди которых «Бритва», «Мена», «Сбор информации», «Описание» и др. Его стихи переведены на многие европейские языки и опубликованы в разных странах. Лауреат нескольких престижных национальных и международных наград. Является организатором Международного поэтического фестиваля в Черногории. Один из ведущих издателей поэтических книг в Черногории.

Я ВСЕ РАССКАЖУ ПРО ВАС БОГУ

Трехлетний мальчик из Сирии,
Чье имя
Журналисты не записали
(Быть может, он звался Иисусом),
Израженный, изнемогший
Сказал последнее слово,
Прямо в лицо убийцам:

— Я все расскажу про вас Богу.

Если этот трехлетний свидетель
Предстал уже пред Судией,
То этому миру конец.
Казнь миновать не сможет
Ни невиновных, которых нет,
Ни преступников, среди которых
Есть невиновные.

И когда юный Иисус воскреснет
Для мести и для прощения,
Некому будет ему
Утереть слезу,
Ибо он все рассказал
Про нас Богу.

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ БОГ

*Поэт Горан Джорджевич
обнаружил
нестираемые письмена
на сербском кладбище в Приштине*

После бомбардировки
На разбитом надгробии
Уцелела лишь надпись:
«Здесь покоится Бог».

Здесь покоится Бог.
Неужто лишь это
Осталось
От имени?

Боголюб,
Богослав,
Богомир,
Богдан?

Или же Бог —
Все, что было,
Все, что осталось
От фамилии
Боголюбович,
Богославлевич,
Богомирович,
Богданович.

Ангел милосердия
немилосердно
стер, кроме этой Троицы,
Все остальные буквы.

Но три уцелевшие буквы —
Б, О, Г —
Сильнее этого мира
И мира того.

ОВИДИЙ И ЮЛИЯ

Это известие только что облетело весь свет —
Через две тысячи лет
После изгнания из Вечного города.

Поэта Овидия, осердившего императора Августа,
который пуше всего любил
Поэзию и свою внучку Юлию.

Совет города Рима
Оправдал
Великого стихотворца.

Единодушным решением членов совета
Исправлена «величайшая несправедливость»,
Как говорится в решении.

Автор «Метаморфоз»
И «Искусства любви»,
Будучи выслан из Рима в давнем восьмом году,

Завершил свои дни в древней Констанце,
Ныне это Румыния.
Семнадцатый год,

Совет города Рима
Оправдал
Великого стихотворца Овидия.

Теперь налицо несправедливость двойная,
Ведь Рим позабыл
О внучке Августа Юлии,

Которую тоже изгнали
В далеком восьмом году
За прелюбодейство с римским сенатором.

Никто и не вспомнил об Августовой любимице,
Поэтому я обращаюсь к сенаторам:
Исправьте и эту несправедливость.

Перевод Жанны Перковской

БЕЛЫЕ НОЧИ

Паденья глубина неизмерима,
Расстроенный неузнаваем день,
Тень, чей слуга я, снова смотрит мимо.
Могу уйти, спокойной будет тень.

Раздор меж нами вызывает жалость,
Глоток тоски по прошлому глубок,
Однажды тень к другому убежала,
И стал я бесконечно одинок.

Окончилось слепым распятием время,
Дни чахнут, ночи же белым-белы,
И каждый новый грех добавит бремя.

Хоть тень не может сосчитать углы,
Уже своей печали не тая,
Что тень ушла в далекие края.

СОН О ПТИЦАХ

Я верю в те тайные знаки,
Которые вижу во сне,
И снова бунтуют во мне
Последствия умственной драки.

Зачем влип я в давнюю ссору,
Хоть мог бы доверчиво спать,
И носятся птицы опять
Воинственно по коридору.

Воздушная почва легко
Сменяется смертною дрожью,
Пока мы вновь по бездорожью
Трясемся, зайдя далеко.

Пейзаж остается в изножье
А сыты мы милостью Божьей.

Перевод Виктора Широкова

**ИЗ ВЕКА
В ВЕК**
ЛИТЕРАТУРНОЕ
СОДРУЖЕСТВО

Международное агентство гуманитарных инициатив

«ИЗ ВЕКА В ВЕК»

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор С. Гловюк

Редактор Е. Веревитина

Верстка С. Селиверстова

Корректор Н. Красикова

Электронный адрес:

gloviuk@mail.ru

Отпечатано в АО «Издательство ИКАР»
119421, ул. Обручева, д. 16, корп. 2, кв. 33
Тел.: +7(495) 978-35-99,
www.ikar-publisher.ru
Тираж 500 экз.

© Издательство МАГИ «Из века в век», 2020
Россия, Москва, 2020